

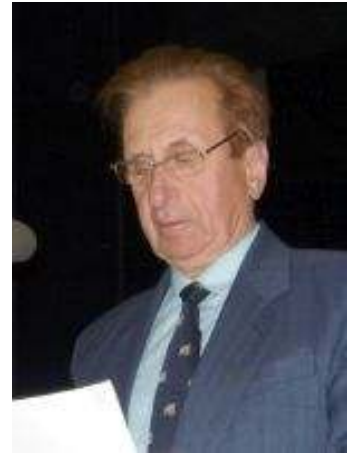
Аль Озёрный (Dr. Algirdas Vikulčius)

Записки социолога

поэзия

2016 Вильнюс

Родился в 1932 году в Литве, в Зарасайском уезде, в 1960 году окончил Вильнюсский университет. С 1974 года доктор социальных наук, доцент. Издал 28 книг, опубликовал 400 научных статей. Сочиняет стихи на литовском и русском языках с 1946 года. Его стихи были опубликованы в поэтических альманахах и в периодической печати, сборники рукописей поэзии хранятся в Центральном государственном архиве Литвы, в ряде музеев Литвы и России, в некоторых хранилищах рукописей центральных библиотек, в частных коллекциях.

Опять в Отчизне

Пенистыми облачками месяц
Будто по волнам небес гребёт.
«Декорации» лугов и горок светятся
Россыпью росы. Спектакль идёт.

Пусть я в театре зритель одинокий
Стелется передо мной туман,
Застилает даль пути и тропы,
Закулисной темноты экран.

Озеро разлившись в ожидании,
Мглу у побережья теребит.
Вновь гурьба русалок из тумана
Выйдя, в плавном танце закружит.

Милый, сказочный мой край родимый
Даже в пору непогодных дней
И когда всё окруженье стынет
От раскрывшей крылья тьмы теней.

Здесь чарует всё и удивляет:
Бриллиантовый блеск рос в траве густой,
Тишина с далёким пёсьим лаем
Ночью лунной и полудня зной.

Мне милы твои холмы, долины
В ясную погоду и дожди,
Сказки романтические длинны,
Песни мелодичные, сады,

Панорамы дивные, картины,
сёла, хутора и цветники у хат -
зарасайская моя отчизна,
елей, клёнов и берёз литва.

Вильнюсу

Вильнюс, душою своей я твой сверстник.
Мчатся сменяясь эпохи и дни, -
Я одноленок Твой и современник
Нынешних дел Твоих и старины.

Реют флаги дружин Гедимина...
Прошное мнится в сегодняшнем дне.
Давних и новых свершений картины
Ты представляешь восторженно мне.

Подвиги там и стремленье к прогрессу,
Боль поражений в неравной борьбе,
Драм и творения зодчих контексты
Запечатлелись на веки в Тебе.

Я погружаюсь в Твои улицы ауру, -
В ней обретаю открытия я
И почитаю Твою в них историю,
Зло современное люто браня.

Вильнюс, столица, любимый мой город,
Пусть не всегда был Тобою любим,
Но неподвластный за это укору,
Я верный соратник Твой и гражданин.

Вильнюсские клёны

Столицы сады пламенеют –
Горят в них вновь клёнов костры,
Летящие искры их реют
Под небом фактур бересты

И падают плавно на зданий крыши
Крыши, на землю, в сердца
И пьёт, и несёт их их сияние
Течением плавным река.

Земля, воды, люди и тучи,
Весь город набрался огня,
Которого впредь не потушат
Ни стужей, ни вьюгой зима.

Моей Литве

Вода, вода, вода, вода...
Залитые водой луга,
Залитые водой посевы –
Справа и слева, справа и слева.

Идут дожди, дожди, дожди –
На улицу хоть не ходи.
Хоть не ходи во двор и в поле,
Как будто не видать уж боле

Нам солнца и полночных звёзд.
И будто запоздалый гость,
В окне, в просвете занавесок
Не будет появляться месяц.

Однако есть иные годы:
Стоят отменные погоды,
Неделями жара палит,
Зимою постоят морозы...

Но чаще дружно ходят грозы
И дождь. Литва – от слова «лить» ...
И всё ж мне нет страны милей
Моей Литвы, Литвы моей.

Отступая

Для победы Москву сдать нам надо,
А Москва нам, как мать, дорога.
Пусть победы хмельная отрада
Лишь на время пригреет врага.

Нас потомки поймут, не осудят,
Отступление нам не забыть.
Мы вернёмся, поверьте нам люди,
Нас и ныне поймёт эрудит.

Мы, в бесславном и спешном походе,
До поры прекратили борьбу,
Из Москвы отступаем, уходим,
Чтоб с победой вернуться в Москву.

Мы уходим, приказу не рады,
Тёмной ночью, пока враг наш спит,
Потому, что так надо, так надо
Для того, чтоб врага победить.

Дорога луны

(в Ялте)

Дорога луны от огней берегов
Уходит сквозь сеть светляков – катеров
Туда, где темнеет пустынная ширь,
Где в ночь эту лунную царствует штиль.

Дорога луны в даль морскую бежит,
А чарами берега не дорожит.
Ты тайну свою мне, дорога, поверь,
Признайся мне, в чём твоя тайная цель –

Та, ради которой, оставив приют,
Навстречу тревогам спешишь в дальний путь.
Молчишь ты? Не знаешь, какой дать ответ?
А, может быть, тайны в поступке том нет?

Сквозь ночь ты спешишь, как и все мы, вперёд,
Куда неизвестность нас властно зовёт.

Уральские берёзы

Березняки уральских междугорий,
Умытые зелёным светом гроз,
Мне подарили радость ораторий
Изящество извилистых берёз.

Соблазны взглядов их меня пленили
Из- под упущенных от солнца век.
Звенит, звенит в моей душе поныне
Берёзовый их, белозубый смех.

А надо мной романтика витает –
Их говор. Часто мне среди людей
Их мудрого покоя не хватает
И кос, расчёсанных гребёнками дождей.

Александр Пушкину
(в селе Михайловском)

В новой поросли ели и нивы,
Вновь ясна голосистая даль.
Только всё ещё утки пугливы,
В двух озёрах купают печаль.

Ряд холмов, облака увлекая,
В перспективу волнистую мчит,
У ворот, как и прежде, встречая,
Без заряда пущёнка молчит.

Дремлет домик под солнцем, где няня
Вязь из сказок плела в Твои дни.
Как тогда, здесь мурлычет алтына
У пруда в золотистой тени.

Здесь стихи декламируют ветры,
Крылья мельниц, река и луга.
И деревни, в листву разодетые
Их садов, а на нивах стога.

След Твой тает в песке ещё, будто.
Ускакал Ты в Три горское вдруг,
У трёх сосен, коня вздыбив круто,
Отгонял ссыльной грусти недуг.

Кто сюда приходил за столетья
Погостить у Тебя, тех не счесть.
Пусть с Невы Ты вернулся в карете
С чёрным крепом, но Ты у нас есть!..

Без водителя

Автобус мчался ускоряясь

С горы у пропасти. Мелькали
За окнами, к ним приближаясь,
То также быстро удаляясь,
Столбы дороги края, скалы...
Машины шины, будто змеи,
На полотна асфальт шипели
И о бордюры ударяясь,
Кидали, будто им играя,
Автобус наш по сторонам,
А он притом, как будто сам
Собой дорогу преграждая
Себе, вершил зигзаги круто,
Над края пропастью виляя
И виражи те повторяя.
А пассажиры кто дремали,
Иные тихо разговаривали
О продолжении маршрута...
Да – да, я прилагал старание
Соседей обратить внимание
На подозрительный вояж.
К ним обращался я не раз,
А раз не менее, чем сто,
Но это делал я напрасно, -
Не реагировал никто.
Один ездок в суровой mine,
Пробормотал мне: «Всё прекрасно!»
Когда пробрался я к кабине,
Последнее, что там увидел я –
У руля
Не было водителя...
Пишу я потому из нашего небытия...

Мой маяк

Я снова ухожу в рейс полон бравы,
Презрев уют, опасности и страх,

Тебя, мой друг, на берегу оставив,
Наскальный вдаль моргающий маяк.

Когда от нарастанья удаления
За горизонт уйдут портов огни,
Чтоб не терял я в море направления,
Моргни мне издали, маяк, моргни!

Будь в непогодах грозных ориентиром,
Когда сгинают звёзды в облаках,
Моргай мне вопреки зловещим силам,
Мой дальний друг, мой верный друг, маяк!

В Лондоне дождь

В Лондоне дождь
И туман
Сплошь,
Полёт откладывается.
Рушится расписание.
Телеэкран
Отвлечь пытается
Зал ожидания
От неурядицы
В расписании.
Что ж –
Не в первый раз
В Лондоне дождь,
А у нас –
Ожидание...
Где -то галдёж
И гадание,
Когда прекратится
В Лондоне дождь
И рассеется
Туман,

Восстановится
Расписание.
Кашляет кто-то,
Кому – то
Не здоровится.
Рушится план
Наш
Весь
Здесь
Потому что, там
Дождь
И туман.
Дрянь!

Рабы

Кто рос в тюрьме, во мраке подземелий,
Не может быть орлу подобен...

Джордж Гордон Байрон

Родился кто в неволе
И жил кто в кандалах,
Тому проклятье – воля.
Пусть нет их на ногах, -
Душа такого в путах,
А интерес - один:
Еды наевшись круто,
Пускать из трубки дым.

Лишь для себя в угоду
Горазд он рвать и красть.
Несчастье для народа
В руках такого власть.

Арктика зимой

Снег, стужа, крутые торосы,

Заносов настил, свист пурги
Без меры и срока, и дозы,
И жалящий ветер, как осы,
В глуши многомесячной тьмы

И звёзд величавых мерцание
Без предположения дня,
И северное сияние,
Как будто творение сна...

Тобой восхищён, очарован,
Тебе поцелуи я шлю.
К тебе я восторгом прикован,
А ты в этот стих мной врифмован...
Но всё же тебе я не ровен
И я... я другую люблю –
Отчизну родную мою.

Мой корабль

Пусть мой корабль -
Ровесник бурь эпохи
Давным - давно моря
Все исходил,
А киль сталь
Покрыли шрамов строки,
Его заманивает зря
Портовой банки штиль.

Корабль идёт туда,
Где акватория,
Где запах соли,
Горизонта край,
Где вечная борьба
Стихий ветров и моря.
Прощайте, молы.

Буй прикол, прощай.

Пусть злится хмурь,
Грозят нам ведьмы горя,
Пусть ждёт бездолье –
Путника судьба, -
Потомки бурь
Грозу встречают в море.
Удел их – воля,
Дело их – борьба.

Там, где обман,
Где тупость и насилие
Вершат свой натиск
Против доброты,
Где вражий стан,
Где скверны изобилие,
Где правом власти
Ведают плуты,

Являют суд
Жестоко самоуправный,
А компас их
Внять невозможно в толк,
Туда мой путь
Не за победы славой,
Куда и вас
Зовёт ваш долг.

Расчёт

История изъянов не прощает.
Она за них выписывает счёт
И крупные проценты начисляет
Стране, оплачивающей расчёт.

Чем дольше срок, ужасней тем расплата.

Несчастен, обездолен тот народ,

Который по указке супостата –

Насилий жертва иль наоборот,

Становится слугою зла во блуди

Иль тем себе желая угождать,

Истории пренебрегает правосудие.

Такому наказания не избежать.

Не надо ругани, не надо кровной мести, -

Народ перед Историей самой

За злостные деяния ответит

Ужасной карою, ответит «головой».

Народ- убийца, правоверной дряни,

Захватчик, жизнью и богатства мот, -

Дрожи, - минуло время злодеяний!

Расплаты срок пришёл, твой суд идёт.

После ночи

Заря вечерняя на небе гасла,

Ещё держась за облака края...

С Востока тьмы зловещей масса

Нас накрывала. Исчезал в ней я,

А ночь та продолжалась пол столетия

Без перспективы – ожиданья дня...

Вновь утро, но и в солнца свете

Невидим я, не вижу сам себя.

В стране же властвуют ночные привидения,

Неодолимую свою являя мощь.

Ничтожны мы пред ними, как и прежде, -

Под солнцем продолжается былая ночь.

Безнадёжность

Всё реже посещает вдохновение
Мой утомлённый ум, мой дух больной,
Всё чаще вьюги белые смятения
Злых вихрей собирают привидения
Вокруг меня, чтоб забавлялись мной.

Большие замки светлых идеалов
Рассыпались, как замки из песка,
Моё перо ползёт зигзагом вяло,
Из-под её ложится вкось устало
Тяжёлая свинцовая строка.

Угрюмая и никому ненужная,
Как и весь стих. Его пишу я зря.
Орбита помыслов всё уже, уже...
Затягивается на шее так всё туже
Смертельной безнадёжности петля.

Санкт- Петербургу

Петербург – волшебство вдохновения
Собеседник и друг без порук,
Величавое воли творение
Город юности мой – Петербург.

Я навечно тобою врифмован
В сказ фонтанов твоих и аркад,
А стихи мои снова и снова
Грежут грёзы твои, Петроград.

В думе белою сказочной птицей
Над землёю с тобой возношусь,
Где ночей белых реют зарницы,
Растворяющие боль и грусть.

А в садах твоих древностью тихих,
Отчужденья преграды дробя.
Я общаюсь вновь с духом великих
Для потомков, создавших тебя.

Годы вздора уносятся в Лету,
Не затмив твоих вечных красот.
Тьма Вселенной не гасит кометы
И не тушит, а наоборот.

Петербург, знак возвышенной власти,
Власти сердца, шедевров парад,
Дай мне смелость тебе представляться
Гражданином твоим, Петроград!

Странный мир

В том мире нет людей,
Есть только манекены,
Есть маски – рупора,
Глашатаи идей,
Есть празднества затей,
Есть ритуалов схемы,
Есть возгласы «Ура!»
Но нет совсем людей.

Трибуны говорят
Там что-то отвлечённое
От будней, от реальности

И правды жизни сей,
Есть даже аппарат,
В нём даже есть персоны,
Они являют страсти,
Но вовсе нет людей.

В том мире есть структура,
Есть выборы и право,
А кличи непременно
Идти вперёд зовут,
Там есть литература,
И достижений слава,
Причём одновременно
Всего того там нет.

Всё есть в том мире странном, -
Есть символы и флаги,
Есть зоны и границы,
Есть даже службы виз,
Слова есть грубо – бранные,
Минувшего есть саги
И нового зарницы,
Отсутствует лишь жизнь...

Ненужные

“Наиболее опасны некомпетентные лидеры.”

Бернард Шоу

Премьер не нужен им, ведь лаборант он физики,
Им не нужны министры, ведь их министры
Не профессионалы данной области – не специалисты, -
Они лишь партий представители, политики – статисты.
Парламент им не нужен тоже – в нём одни певицы, дилетанты и артисты, -
Так, как они, страну править могут и доярки,
И кухарки,
И свиарки,

Свои прямые продолжая исполнять обязанности,
Ведь певицы и солисты, и танцоры парламента члены
Находят время
И в парламенте заседать
И нам играть
На сцене, -
Давать аж полноценные
Концерты их, парламентариев - шоуменов.

2012 год

Абсурдное утро

Настало утро, но зари не видно.
Восходит солнце, но вокруг темно,
Лишь ночи созерцанье длится длинно,
Сменилось будто лишь её звено,

В потёмках притаилась вновь угроза.
Беспомощны опять же перед нею мы,
Хотя глашатаи твердят одно то же,
Что мы вершители своей судьбы,

Что наступила новая эпоха,
И что в страну вернулся яркий день,
Но нам, как прежде, муторно и плохо.
Господствует в стране повсюду тень.

День, но темно, что впереди, не видно,
Поник аж радовавшийся глупец.
За прежний мой восторг мне стыдно,
Притих и против темноты борец...

Под началом полотёров

Высоцкий советскому режиссёру театра: «Ты
находился под началом полотёра ...»

Находишься Ты под началом «полотёров»...
Прости меня за столь нелестные слова –
То музыкантов, медиков, философов, то журналистов, то актёров,
Не смыслящих ни зги в Твоих делах проныр и волонтёров,
Моя Литва.
Уже вот третье десятилетие
Под властью
Олигархов ты и им подвластных слуг,
Являешься лишь цифрой в их доходной смете
И чемпионкой ты в бесправии и в эмиграции,
И в эвтаназии почти на целом свете,
Гарантирующая бюрократии безответственности и бездействия досуг.
С трудом для этого стиха я подбираю благозвучные слова.
Наводит на меня лишь сожаленья и укоры,
«Политиками» - государственных дел «полотёрами»,
В небытие ведомая
Моя Литва.

Сорняки

Засорили наш край сорняки...
Я пишу потому, что обидно.
Из-за них ни строфы, ни строки
Этой вам, мой читатель, не видно.

Корни их, сорняков, глубоки.
Закорючками, цепкой ботвою
Меж собою сплелись сорняки,
Горизонт заслонили собою.

Сорнякам покорила земля,
И людей им послушные души,

Сорняки, своевольем шая,
Нас лишили озёр, рек и суши.

Сорняки правят лютую власть
Над природой и над человеком,
Приучили обманывать, красть
И, при том, все бахвалятся этим.

Засорили умы сорняки,
Истощая искусство, науку,
Нас вернули в эпоху сохи,
Нам навеяли серую скуку.

Бесполезно сорняшник полоть
И косить сорняки мало толку, -
Зарастут сорняки поле сплошь
До границы, заняв всю прополку,

Чингисхановой рати под стать.
Эх, не стало б ль того мудренее
Всю округу враз перепахать
И полезным посевом засеять?!

Кому дать в морду?

Вовлечённые в яростный кросс,
Как же мы проглядели, как вдруг
С нашим обществом это стряслось,-
Завлекло нас в застольный быт-круг.

Как в воронку, сильней и сильней
Нас засасывать стало всех,
Как устои морали в ней

Уменьшаясь сошли на «нет»,

Угощения стали, когда
Главной меркой достоинств людских,
Навалилось оно, как беда,
То, чему посвящён сей мой стих?

Не берётся разгон никак,
Год от года сползаем на ноль
На бутылочных подшипниках,
Мазь в которых одна - алкоголь.

Мой народ, что стряслось с тобой?
Мой народ, что с тобой, браток?
Как же, друг, ты такое мог, -
Пыл сменить на угар хмельной?!

Если углубиться, вникнуть в сущность, -
Забирает страх и точит жуть,
Как поётся в притчах и частушках,
Только пень с колодою не пьют.

С горя пьют и с радости случайной,
Пьют за здоровье и пьют за упокой,
В обстановке пьют модерн – дизайна
И без обстановки никакой,

Пьют на торжествах и юбилеях,
Праздники опутал пьянства спрут,
А гостей хозяева, хмелея,
Спаивают, - сами тоже пьют.

Пьянство рекламируя, артисты
На спектаклях пьют и пьют в кино,
Пьют по случаю премьер и бенефисов,

Пьют шампанское, пьют водку, пьют вино,

Пьют коньяк, не брезгают и ромом,

Пьют «для реализма» самогон,

Крепкое пьют все от гриппа, вместо брома...

Задаёт всему хмельное тон.

Заболел трезвый труженик, -

Ни стоять, ни сесть!

Заболел бедный дюже, -

Им в больницах – очередь, -

В стационарах впрыск в задницы

В рот таблетки на сон,

Лечат горькие пьяницы

Алкогольный синдром,

Лечат язву и нервы,

Тряс, цирроз, диабет...

Их спасать надо первыми,

Кто не пьёт – места нет.

Реабилитирует

Горьких пьяниц курорт,

Где они репетируют

«Бей бутылкой в цель», - спорт.

Инвалид ты для женщин,

Руки тож, как дрова, -

Зря хлопчешь о пенсии,

Коль цела голова, -

Инвалидное качество

Тот со знаком добыл,

Кто здоровье всё начисто

Вместе с мозгом пропил.

* * *

Будь ты самый, самый лучший –
Звёзды с неба пачками гребёшь,
Но ежели ты совсем не пьющий, -
Оттолкнут, затрут, зря пропадёшь.

У самих - вид туп, в движеньях вялость,
Вместо бравой песни «... ять» и мат,
А в уме одна мечта осталась –
Как бы, где бы алкоголь достать.

* * *

Мой народ, на твой тяжкий запой,
Беспросветный и многодневный,
На твой взгляд с похмелья тупой
Обращаю я стих сей гневный.

Победитель великих атак,
Кто запутал твою поступь гордую?
Мой народ, кто тебя так... ?
Кому дать в морду?

* * *

Не кривись, мой читатель, что стих
Этот тоже вам кажется пьяным, -
Смысл проблемы пока он достиг,
Сам погряз в перегарной дряни.

Может быть пейзаж мой слишком строгий,
А тревоги цвет чрезмерно ал.
Что ж, коль принято хлестать без меры,
Я, быть может, тоже перебрал...

Возвращение Маяковского из Парижа

Из Парижа возвращается В. Маяковский.
Рельсов стыков ритмами дрожит вагон,

В мысли вклиниваются стихов наброски
О революции и о любимой, но не знает он,

Что к бандитам, превративших Родину его, в них логово,
Безвозвратно мчит его из жизни чёрный паровоз.
«Маяковский, с поезда сойди, пока не поздно
И смахни с понятия реальности налёты грёз!

Не покидай поэзию, любимую жену и малого потомка,
Не осуди его на детство без отца.
В твоей стране, увы, не социальная вершится ломка
А зверствует тупая банда изверга и подлеца.

За смелый ум и за изъянов критику,
Ужасную суть диктатуры не постигшего пока,
Они тебя осудят за «политику»
От имени (без ведома его) ВКП(б) ЦК

И будут править над тобой моральное глумление.
Когда поймёшь, что выхода иного нет,
В твоей пожизненной тюрьме, без угрызения
Своей бандитской совести, для выстрела в себя положат в руку пистолет.

Ты в радужных мечтах. Ты предвкушаешь встречу
С «Советской Родиной», в которой, на конец, народ – сам властелин.
Ты ошибаешься, - там душат и калечат
Людей бандиты Сталина. Он властвует один.

Там люди - страха и террора жертвы.
«Сойди, Владимир!» Он не слышит, верой в Родину велик и славен,
И между жизнью Маяковского и смертью,
Тем временем, вниз опустился рока меч – ж. д. шлагбаум...

Табун

Ломая кусты и ограды,

Несётся к оврагу табун, -
Безумное дикое стадо,
Безликий, немыслящий тунт,
Кричу: «Братцы, стойте! Сверните!
Овраг впереди. Он глубок
И близок. Остановитесь!»
Увы, все старания впрок.

Себя я не слышу. Так вышло.
Погибнуть не хочется мне
Без цели, без пользы, без смысла.
Но я, не один в табуне, -

Соседи, кто слева, кто справа,
Своими боками зажав
Меня, скачут лихо и браво,
Хвосты выше гривы задрав.

Шеренги несущихся сзади
Готовы меня раздавить,
Ежели спасения ради
Уйму прежней скорости прыть.

Впрямь кони несутся со ржаньем
К гибели страшной своей,
Хмельные тупым подражаньем.
Хмельней не бывает, ей-ей.

Ломая кусты и ограды
По-прежнему скачет табун,
Тупое, безумное стадо,
Являя бессмысленный бунт.

Табун неподвластен зигзагу;
Сметая всея на пути,

Несётся в погибель – к оврагу,
А в том табуне я и ты...

Слуги идеологий

Мы слуги злых идеологий,
Статисты заданных нам поз,
Кто - мерно растопырив ноги
На ширину захвата врозь,

Своё, моё оберегают
От сотоварищей пяты,
Другие, умилением тая,
Как часто поступаешь ты,

Застыв на век весь свой в поклоне,
Невежду в идола возвёв,
Лишь поклоняются короне,
На смелых не взирая плёв.

Уймитесь прочь их спин видение
Его мне трудно перенести.
Поникли люди на коленях,
Мой кругозор заполнив весь.

Иные йогами застыли
Уставившись, их больше жаль,
На вилы и автомобили
Свои, и на столах хрусталь,

И на богатство обстановки,
На низко пробную мечту,
На супер модные обновки,
На собственную «правоту»,

На деньги, выгоду, карьеру,
На алкогольную бутыль,
Отбросив прочь рассудка меру,
Уйдя в пожизненную стиль.

Стоят все у своих порогов,
Храня затон-максимализм,
А кроме оных в позах йогов
Проносится, уходит жизнь...

Замки

Замки, замки, замки, замки...
Висящие, секретные, вставные,
Чтоб бесконтрольно не войти,
Озябнув и устав в пути,
Замки сердец, ворот, дверные...

Замки, тревожусь не за вас, -
Я знаю, вы замки надёжные
Для добрых. Тем, кто к взлому касс
Крадётся, всем твердит сей сказ,
Замки – запреты ложные.

Замки, мне грустно от того,
Что многими замками - измами
Закрывшись, в ближних сея зло,
Лишаете тем их того,
Соблазнены, чем сами вы.

Души тепло и знаний клад
Раздать я людям рад бы, -
На их ушах замки висят,
Предвзятости запоры бдят,

На душах – всюду штанги...

В отчуждении

Люди все – в измерениях разных.
Мы не видим, не слышим других.
Их понять, наши помыслы праздны,
Не волнует нас плачь их и крик.

Мы к судьбе их совсем безразличны.
Неспособными стали любить,
К отчуждению стали привыкшими,
Не живём, в нас ничто не горит.

Не способные объединиться,
Лишены притяжения сил,
Мы тоскуем, порою нам снится
Мир потерянных чувств и кадил.

Не живые мы будто, а духи
Без желаний, чувств, мыслей, мечты.
Нами правит зло – демоны скуки
И всегдашней такой ж суеты.

Кто не духи мы, те – изваяния, -
В сердце камень, во взгляде – металл...
Изменило нас так чьё старание?
Что за взрыв нас всех так разметал?

Я бы ушёл

Я связи с миром потерял последние
И не удерживает в нём меня ничто.

Колокола меня отпели медные,
Хотя не умер я, живу ещё.

Я никому давным - давно не нужен
И мне от НИХ не надо ничего.
Бреду один по ямам и по лужам
И не рассчитываю ни на что.

Я бы ушёл от зябкой неpotребы
В парсековую даль и там исчез,
Я б превратился в ни во что, в ноль, в небыль,
Чтоб не нести беспутной жизни крест.

Обманывался я надеждой долго,
Полезным быть для общества мечтал,
Но родина унылым хладом морга,
Увы, меня парировала вдаль.

Власть узурпировавшие признавали
Потребность не в героях, а в рабах.
ОНИ меня напрасно привлекали
В скандал своих междоусобных драк

За власть, за деньги, выгоду и славу,
Науськивали сеять клевету
На их соперников и вовсе не по праву
Хвалить их за заслугу, но не ту.

Я вижу сам, что мне пора уйти,
Но даже для отхода нет пути.

«Долой самодержавие, долой!»

Свободу мысли и свободу слова
Вновь глушит яркой пропаганды вой
И клич свободы актуален снова:

«Долой самодержавие, долой!»

Вновь над народом самодур глумится
Пожизненно, довольный сам собой, -
Призыву не пора угомониться:
«Долой самодержавие, долой!»

Вновь управляет лишь себе в угоду
«Политиков» и олигархов строй,
А совесть кличет в битву за свободу:
«Долой самодержавие, долой!»

Вернуть народу снова им потерянное
Зовёт обратно, как команда в строй
Кровь и заветы революционеров:
«Долой самодержавие, долой!»
1982 год

Идейным большевикам

Я не намерен с вами силой мериться
Ни помыслов, ни страсти, ни руки,
Бесправье одолевшие, от сердца,
От веры и идей большевики,

Но почему вы опозорились перед историей,
Не одолели власть укравших сброд
И почему вы сникли пред террором,
Не защитили от него народ?

Да-да, я знаю, знаю, знаю,-
Всегда трудней найти виновных за провал,
Когда в своих же лжесвои стреляют,
Доверивших им власть и арсенал.

Да, истребляли вас, держали под запором,

Грозили, страхом затыкали рот,
Но почему вы сникли пред террором,
На растерзание ему отдав народ?

Ведь разве много было Сталинов и Берий,
Народ же доверялся вам и верил!

1980 год

Часовщики

Специалисты регулируют и чинят нам обычные часы –
Настольные, наручные, настенные и БИГ - куранты,
И лишь истории часовщики – политики -
Проныры – выскочки
В её делах – профаны, дилетанты.

Политика

Политики правдивой не бывает, -
Она всё извивается, кривляет и петляет,
Как бы во тьме без ориентиров и огней.
Вопроса нет, её кто представляет, -
Вопрос лишь, на кого она играет...

Метка поэта

Поэт –
Оппонент
Своей эпохи
Поэта
Метка –
Эти строки,
А тот, на ком сей метки нет,
Поэт – поэт, но не ПОЭТ!

Не все одинаковые

Нет, не у всех одни и те же цели -
Одни лес рубят только на дрова,
Другие – планово, достигши спели,
Иные строят из него дома.

Лес вырубается и на продажу, -
Чтоб получить тем способом доход
Что бы освободить участок даже
Для прочих земледельческих работ.

И в творчестве любом не все стремятся
Великим сочинителем прослыть,
Иные в халуи тем метят власти,
Чтоб от неё награду получить.

Творят другие китчи по заказу,
Творения на рынке продают,
Не доверяясь творчества экстазу,-
Им спрос диктует замысел и суть.

А потому о творчестве, коллеги,
Огульно не судите по себе, -
Не все тем выпятив стремятся «эго»
Иль творчеством прославиться – не все.

Мне творчество моё – лишь «физзарядка»
Мышления ума и языка,
Старая, чтобы выражаясь кратко,
В деменционного не превратиться старика,

А кроме этого – подобие поруки, -
В неволе безнадёжности оков

Оно – спасение от беспросветной скуки, -
По Антики великому учёному,
Философу Платону, -
Под властью жуликов и дураков –
Олигархов
Ставленников –
Артистов,
Танцоров,
Бухгалтеров,
Журналистов,
Медиков,
Физиков,
Философов,
Оперных певцов
И прочих...
Ничего в страны делах не смыслящих,-
Некомпетентных, по Наполеону – аферистов.

2015 год

Современный политик

Преподавая душа,
Но партбилет в кармане,
Услужливость сидящим в вышине,
Пред взором их дрожа,
И самомненья мания
Аж до мурашек по спине,

Готовность обменять
На пользу личную
Благополучие своей страны,
Отца и мать,
Стремление забраться выше, выше
По трапу лжи и легковерия спины,

Круша и потроша
Всё созданное ранее,
Провозглашая ложь чем дальше, тем бравей, -
Преподавая душа,
Бессовестность без грани,
Стремление разбогатеть скорей,

Способность забираться,
Не глядя на умение
И на способности,
В любой госпост,
Орудовать орудиями власти
Без совести и сожаления,
И злость,

Круша на том пути преграды;
Ненависть и спесь,
Которым знания и опыта не надо, -
Вот он и есть
Нынешний политик –
Большевистский
Воспитанник.

Не соответствовавшие сим тестам
Сверкают неудачника судьбы контекстом,
Но из-за них не следует скорбеть, -
В политике давным – давно их нет,-
Там нет им места.

Погибшее поколение

Я пытался его
Убедить, но напрасно, -
Оно поклонялось
Самозванным богам,

Упрежденье моё,
Отклонив беспристрастно,
Уныло и вяло
Творило стыд – срам

Бытия без надежды
И без перспективы,
Может быть, не найдя
Из кого выбирать,
Шло за полным невеждой,
Обещавшим нам дивы
Счастья, чтоб погодя
Обмануть, обобрать.

Поколение погисло
Будто в сумраке тени
И в затишье – метель,
Жизни правда – в кино,
Не дозревши согнило
Моё поколение...
Услужить им хотел, -
Не желало оно.

Бога нет...

«Бога нет», - сказал нам новый идол,
«Бога нет!» и на алтарь залез.
Кто секрет ему об этом выдал? -
Многие вздыхали: «Видно бес».

«Бога нет совсем», - кричали дети,
Рады тишины ломать слюду.
Ветеран иной по той примете
Миру стал предсказывать беду.

Из монастыря, кто вышел, плакал.

Смельчаки, свободу возомнив,
Стали выступать, нередкий драпал
Из страны, чертя крутой курсив,

«Бога нет», - вещал нам идол новый,
«Вы свободны: Боги все – бредня.
Обществу всему я дам обновы,
Восхвалять за то велю меня...»

Впрочем – нет, - он не изрёк такого,
Но понятно стало всем и так.
Опускались на колени снова
Люди, - подкосил их ноги страх.

Колдунов крикливых коалиция
Нашу волю превратила в дым.
Вновь свирепствовала инквизиция,
Головы мутила молодым.

Идолы на алтаре менялись, -
Не менялся идиолов обряд,
Наши губы замыкал их палец,
Нами размыкаемый навряд.

Что же с нами будет, Боже, Боже,
Без мечты, без веры и без свеч,
Все молитвы прежние итожа,
Если идолам придёт конец.

1986 год

Георгу Отсу

Георг, стою я у Твоей могилы –
Газончика с дощечкой. Бор пустынь.
Те, кто Тебе за угощением льстили,
Тебя хвалили и хваля поили.

Оставили Тебя. Ты предо мной один.
Георг, Твоё пятидесятипятiletие
С Тобой отметить в срок я опоздал.
Теперь навечно неизменен в Лете
Ты предо мною навсегда в ответе
За то, что рано наш оставил зал,
Уйдя со сцены мысли и таланта,
Георг, как мог остаться Ты в долгу
Перед эпохой, сгинуть в море пьянства.
Пусть многие простят, я – не смогу.
Уж слишком много самых – самых лучших
Эпоха потеряла потому,
Что тостами шампанских сверх шипучих
Они навечно заколочены в гробу.
Георг, прости за слишком запоздалый
Мой разговор с Тобой, но я б не смог
К Тебе пробраться в славы дни бывалой
И пьянства всеобъемлющих баталий,
Чтобы предотвратить крутой итог.
Георг, стою я у Твоей могилы,
Испытывая горе, боль и грусть
За то, что Ты избыток чужа силы
Не остерёгся и Тебя кутилы
Сгубили. Стих сей их карает пусть.
Пирита, 1984 год

Я с Тобой, Грузия!

Я с Тобой навсегда в трауре, Грузия,
С горем в сердце, с вопросом во взгляде,
Тех, кто в кровь Твою окунули оружие,
Мне знать надо.
Знать хочу, кто они,
Пославшие командами краткими
На Тебя рявканиями звериными
Солдат с кровавыми лопатками.

От Тебя я, Грузия, в восторге
Потому, что Ты восстала против ига,
Величественная и гордая.
Душой с Тобой я был, когда Тебя беда настигла,
Когда поработать и убивать умелые,
Тебя похабно оскорбляя, кроя матами,
Народ Твой подавить, а дух убить хотели
Солдаты с лопатками.
Ещё сильнее Твой недуг сплотил нас, Грузия.
У нас единый враг – госстрой в упадке
И власть имущие в нём держиморды дюжие –
Пославшие не на Тебя – на нас солдат с лопатками.

В борьбе за свободу

Кто с несвободой борется
Ради благополучия
Его не добьётся,
Не утруждался бы лучше,-
Свобода и благополучие
Неразлучны
И достижимы лишь одновременно,
Не по одиночке – моно.
Добившиеся свободы
Без благополучия,
Изменяют свободе,
Чтобы жить лучше.
Посулы дачи
Благо дарящего
Властвующего –
Лишь приманка без отдачи
Для легко доверяющего.
Селезня так под прицел охотника
Заманивает подсадная утка.
Благополучие возможно
Лишь у свободного...

Не надо тревожить могил

Не надо тревожить могил,
Пытаться извлечь быль из тлена
Того, кто поход завершил
И стал гражданином Вселенной.

Не надо прах перевозить
Мигрантов, погибших и ссыльных,
Чтоб в землю родную зарыть,
Их будто вернув из чужбины.

Не нужен им этот наш дар, -
Они ведь к нам сами вернулись,
Уйдя в наш земной мира шар.
В земле нет ни стран, сёл, ни улиц.

А память хранит
Одинаково
Надгробные памятники
И кенотафы.

У стены расстрелов

Негодования пламя
Всё реже жжёт и мной.
Свежа лишь горе – память
Расстрелянных камней.

Покрыл дёрн все курганы.
К стене льнёт хмель – лоза,
Но утром камня раны
Искрит росы слеза.

Проходят жизни раунды
И срок, но камни бдят,

Расстрелянные камни
С тоской на нас глядят.

Опущены жертв веки.
Давно их облик – прах,
Но дух их жив вовеки
В расстрелянных камнях.

Как фотографий рамы,
Как след ушедших дней,
Запомнили всё шрамы
Расстрелянных камней.

Боль – горе в Лету канет,
Не будет мстью ныть,
Лишь раненные камни
Не смогут зло забыть.

Молчит в музее браунинг,
Но выстрелы в упор
В расстрелянные камни
Бьют залпом до сих пор.

От их предупреждения
Искрит палящий свет –
В сознание поколения
Разящий рикошет...

Не надо славы

Нет, нет, при жизни мне не надо славы, -
Её вторая сторона - позор.
Я не хочу, чтоб в храме музы навы
Переполнял рукоплесканий вздор.

Не надо славы. Ни к чему шумиха,

Когда великие идут дела,
Участвовать мне в них хотелось б тихо,
На фейерверках порох не паля...

За славой, ведьмой самовосхваления
Переоценка следует, как тень,
Коварное её сопровождение
Меня бы наводило на плетень

Уступчивости ради конъюнктуры
Собравшегося завтра согнуть дня,
Мещанского безделья «шуры – муры»
И политического социалвранья.

Хочу, чтобы не Я (Мы) стали вечными,
Прославленными лично на века, -
Великой вечности клеймом помечены
Пусть станут наши думы и дела.

Горение

Я всё горю. Так в меру подражания,
Чему гореть при этом есть пока,
Холодный электрод на расстоянии
Жжёт напряженья вольтова дуга.

Ему, как мне, невероятно ярко
До той поры заказано гореть
Пока мы превратимся без остатка
В произведённый нами белый свет.

Мы не продлим наш век посредством тления,
Приспособленчества пуская смог,-
Подверженным сиянию горения
Сгорание – единственный итог.

Прошлое не впрок

Нет прошлое моё мной не забыто,
И мной в прошедшем всё оценено
Хотя мы рассчитались – оба квиты,-
Не безразлично для меня оно.

Просматривая вновь его картины,
Я каждый раз в минувшем нахожу
Достойные повторных дублей сгибы
Иль открываю скрытую между

Меж истиной, насилием и ложью, -
Исчадиями злого духа буйств
И прикасаюсь вновь с душевной дрожью
К воспоминанью прежних чистых чувств,

Но даже в созерцания минуты,
Мой ум в даль будущего обращён,
Отбросив осторожничанья путы,
Опять меня на риск уводит он.

Я вновь скачу, на лоб подняв забрало,
Вперёд, как будто прошлое не впрок
И разочарований было мало.
Что это, мой или его порок?

Поэт и тирания

Пока я жив – подвержен поражению,
Меня осилить может враг пока...
Когда умру, тогда и быть сражению,
На натиск поведу свои войска.

Сейчас враг всё со мною сделать может:
Убить, заставить замолчать мой стих.
Лишь мёртвых невозможно уничтожить

По повелению владык.

Тогда, когда меня в живых не будет,
На всех тиранов навевая дрожь,
Мои стихи под грохот строф – орудий
Пойдут громить насилие и ложь,

Как сгинувшим героям Петрограда,
За тем, чтоб пела всем победы медь,
Чтоб одолеть врага, бывает – надо
Ещё до главной битвы умереть.

1982 год

Опасность

Казалось, навсегда исчезли тучи,
Великий деспот мёртв, утих в гробу,
Но – снова гибнут лучшие из лучших
За то лишь, что нарушили «табу».

Кто – мыслящий осмелился раскрыться, -
Тайком убит, пропал, сгорел в огне,
«С собой покончил», сгинул в психбольнице,
«Погиб в аварии», сидит в тюрьме,

Иные аплодируют обману
И кланяются власти, как врагу...
Я вас, товарищи, пугать не стану,
Но и утешить тоже не могу.

Не следует рассчитывать на милость
Тех, кто обманом подчинил народ.
Она, опасность только притаилась.
Она лишь своего момента ждёт.

Обманом и насилием глумливый
Народ, прими совет, который дам:
Себя освободить от тирании,
Ты должен знать – ты можешь только сам.
1982 год

Погибшие под лавиной

Мы долго шли тропой крутой и длинной,
Потом по скалам, ледникам, завалам, кто как мог.
Уже наш пик был близок, но пошла лавина.
Стал уходить снег из - под наших ног.

Кто за утёс цеплялся, кто-то задыхаясь
Пытался прочь от пропасти бежать...
Лавина шла, всё на пути сметая
И с ускорением нас уносила вспять.

Остался пик горы непокорённым.
Не увенчали мы победой наш восход.
Пусть под лавиной многие мы похоронены,
Почти на завершении прервав поход,

Но знаки мы оставили на горных глыбах,
А тем, кто к пику нашему пойдут опять
Оставили мы знание ошибок,
Нас погубивших, чтобы их не повторять.

Я всё познал

Я всё познал, -
Восторг, любовь и счастье,
А славу пил взахлёб и не пьянел,
Повелевал
И ведал сладость власти,
А подхалимов хор хвалу мне пел.

Я щедрым был,-
Ворочал миллионами,
Был чествуемым
Пуще иностранных королей,
Меня любили
Фурии и королевы без короны,
Владел я рифмой,
Так, как санями бобслей.

Я это всё, как мот
Нещадно растранижил,
Но сожаление не гложет,
Не тревожит стих, -
Теперь судьба пусть бьёт
По мне, - все злые силы
Уже не смогут
Ничего меня лишить.

Гражданская война

Идёт необъявленная война,
Война повсеместная гражданская, -
От мужа отбивается жена,
Любовь разлетается в клочья,

Вынужденное целомудрие храня,
Мужья в укрепились окопах пьянства.
Разваливается, рушится семья
На просторе страны всей пространства.

Молодёжь не верит в брак,
Холостых, неженатых счёт множится.
Неуверенность, враждебность и страх
Души и сердца наши гложат.

Диктатура наказов гласит

Власть над генов природных программой.

Потому нам приходится жить,

То трагедией славясь, то драмой.

Разрубила общество война,

Война внутренняя, гражданская.

Повернуть бы на тех, чья вина,

Все орудия и все танки!..

Мы не вернулись

Мы так хотели, так хотели возвратиться

Из несурязицы увечий и смертей.

Нам мамы и любимой снились лица

В окопах на краю «земли ничьей».

Но не вернулись мы, мы не вернулись,

Остались навсегда на огненной черте.

Нас не встречали праздничные транспаранты улиц

И цвет весны на безымянной высоте.

Мечталось нам в часы затишья боя

Без огнеточек и окопов даль,

Но шквал артподготовки, зверем воя,

Мечты те комкал и во клочья рвал.

И не вернулись мы, мы не вернулись,

Остались навсегда на огненной черте,

Нас не встречала праздничная радость улиц

И тишина на безымянной высоте.

Мы на передовой своей остались.

А чтоб войны не разгоралась страсть

Народам мира не хватает малость –
Всего – не доверять убийцам власть.

Мы не вернулись, не вернулись, не вернулись,
Остались навсегда на огненной черте.
Нас не встречала радость людных улиц
И скорбь могил на безымянной высоте.

В горах

Меня не манит больше облаков идиллия
И их вдоль режущей вершины горной киль.
Я больше не полезу к ней весь в пота мыле, -
Я знаю горы, - я по ним ходил...

В горах – опасности, обрывы, скалы
И напряженье до надрыва жил.
Грозятся в них лавины и обвалы...
Я знаю горы, - я по ним ходил.

На высоте пустынно, одиноко.
Там властвует суровых нравов стынь.
Красивы горы, но в горах мне плохо.
Я знаю горы, - я по ним ходил.

Напрасно мне порой вершина снится
По виду близкая – подать рукой.
Всходил я на неё, чтоб убедиться,
Что жить гораздо лучше под горой.

Но впрок мои упрямства и самовнушения, -
Я постоянно на крутом пути,
Не в силах одолеть их наваждения.
К вершинам буду я всю жизнь идти.

Вулкан

Я вулкан, я вулкан, я вулкан,
Извергающий пламя и лаву,
И бросающий в небо камни
Из взорвавшихся недр души,
Обнажив всем сердечную рвань
Сею страх и недобрую славу
О себе в сей трагической драме.
Одинокий я в дымной глуши.

Был я прежде горой, как все горы
До потрясшего их извержения.
Облака золотистыми гривами
На спокойном кудрявились лбу,
Но, взломав послушанья заторы,
Разбудило меня извержение,
Детонирован грозными взрывами,
Успокоиться я не могу.

Я расту, я расту, я расту,
Сам себя насыпая из пепла,
Массы туфа, обломков базальта,
Сердца гари и взорванных глыб,
Днём и ночью на грозном посту
Громом и полыханием света
Мир зову я на линию старта,
Навести в нём стремлюсь мысли зыбь,

Но от страха погибнуть со мною
Всё живое меня покидает.
Днём и ночью клубится угрозно
Знак опасности – дым надо мной.
Он меня от тревог не укроет.
Он лишь срок свой, свой час ожидает,

Чтобы тёмных сил чёрные козни
Под своюю сокрыть пеленой.

Все призывы мои безответны,
Пики гор хмурят скальные брови,
Люди в хатах – укрытиях прячутся,
А меня пробирает стынь,
Чтоб воспрянул я снова в поэте
В более благоприятных условиях,
В тех, которые переиначат
Осторожный, напуганный мир.

2016 год

Знал, на что иду

Я осудил себя на неизвестность,
Когда гудел казённых труб хорал.
О недостойном не писал я лестно,
В толпе позорное не восхвалял.

Пусть я уйду в небытие, пусть сгину
В развалинах тюрьмы, в которой жил,
Разрушить, превратить её в руины
Стараясь, сколько мог, по мере сил.

Пусть не прочтёт меня никто. Пусть будет
Так! Но за то душа моя
Была в ладах с моею совестью, а люди
В итоге разберутся без меня.

Не сожалею я, что не был признан,
Но правде – истине не изменял
И был тем многократно осчастливлен.
При том, на что иду, я знал.

Верность

Сквозь время, измерение пространства,
Сквозь гравитацию наказов и идей
Я трассой верности и постоянства
Пересекаю космос дел – людей.

Одни зовут к ним присоединиться
И с ними следовать за вожаком.
Без выражения мелькают лица,
Глаза без мысли вижу я кругом.

Иные пальцем манят за ограду,
Где отчуждение, комфорт, уют.
Тем хвастаться они, как дети, рады.
И сбить меня с пути стремится плут.

А шарлатаны изъясняя корысть,
Стараются меня закабалить,
Идейный, тем во мне являет горечь,
За своеволие меня винит

И привести стремится в подчинение,
Реальности и смыслу вопреки,
Луч превратить пытаюсь в отражение,
В излом его извечного пути.

Но я влияний воле неподвластен,
А верен истине. Путь выбран мной –
Моя судьба. А потому напрасен
Надрыв помех и наговор людской.

С начала

Я опять начинаю с начала,
Всё, как множество раз – от нуля,

Будто скверны изведано мало,
Будто опыт учил меня зря.

От доверия не отучили
Ни глумления нечисти всей,
Ни прорывы, крушения были,
Ни предательства прежних друзей.

Неудачи все пренебрегая,
Снова новых проектов я полн,
У которых числа нет и края,
Как у моря, у ветра и волн.

Как у них, у меня нет покоя
И не будет, я знаю, пока
Жизни волнообразной история
Оборвётся, как эта строка.

Замки из песка

Яростно бросался я в атаку,
Великанов одолеть горазд,
Попадал же, то и дело, в драку,
Где побит был скверно каждый раз.

Строил замки с башнями до неба,
Как умел, их залы украшал, -
Замки рушились от не потребности,
А других набег опустошал.

Против скверны мчался я в сражение
За добро, за правду, за мечту, -
Повторялись будни – поражения,
Зря доказывал я правоту.

Там теперь на ночь туманы стелются,

Опускается моя рука,-
Это были ветряные мельницы,
Это были замки из песка.

Людам не было до правды дела,
Ведь у каждого она своя.
Мною оглашаемое не приспело,
Будто в каменную почву сеял я.

Повторялись фиаско канителицы,
Понял я и осознал пока,
Что боролся с ветряными мельницами
И что строил замки из песка.

Бросив ношу, я расправил ноги,
Стала лёгкою моя строка –
Не воюю с ветряными мельницами,
И не строю замков из песка.

В стихи и жизни

Сыны пучины умирают в море.
В свою стихию также я уйду.
Об этом не расскажет вам история
Мне не на радость и не на беду.

Рождён стихией жизни в ней и сгину.
Последний погружения экстаз
В эпохи нашей буйная пучина
Меня обнимет пусть последний раз

И от меня пусть, космос рассекая,
Явления последние лучи
Уйдут искать не ада и не рая.
Дай, Дзеус им в дальнем Лете обрести

Потомка юного взаимопонимание,
Дай высечь искру дивного огня,
Чтобы в сердцах воспламенилось пламя,
Тем воскрешая в будущем меня!

Кавказу

Кавказ – вершины белые,
Сиянье ледников
И серпантины смелые
Весёлых горных троп.

Кавказ – звон колокольчиков
Со скал бегущих вод
И чист душой, восточный
Крутой, прямой народ.

По Вам, по Вам я меряю
Взлёт поисков моих
И дел. Лишь Вам доверю
Ценить мой этот стих...

Пусть я душой подобен,
На дух предстану Твой,
С Твоим пусть станет сроден
Мой внутренний покой.

Пусть буду безразличен
Я к буйству гроз, как Ты,
Над временем возвышен
Величием мечты

И знанием призвания.
В ряд пиков и террас,

Исполнив пожелание,
Прими меня, Кавказ!

Путоранска тундра

Голубая Путоранска тундра –
Горы, воды, вечность мерзлоты,
Мошкара и каменные груды,
Воля для раздумий и мечты,

От страстей свобода и безлюдье,
Воздуха и мыслей чистота, -
Голубая Путоранска тундра,
Мы похожи, будь со мной на «Ты»!

У тебя учился я жить мудро,
Притязания отбросив прочь,
И довольствуясь судьбой, как тундра,
Летом и в полярной стужи ночь.

Твой я, твой я, Путоранска тундра.
Ты осталась жить в душе моей.
В волосах моих сединок пудра,
Это снег с кустарника ветвей.

На твою моя подобна доля, -
Духи зла нас пробовали смять, -
Изнутри нас та же держит воля
Перед злом не сникнуть, устоять.

Мне не надо

Не надо мне, не надо мне, не надо
Чинов, имён и громкой похвалы,
Дождя из конфетти и награждений града,
Тем более, не надо мне хулы.

Не надо мне, не надо мне, не надо
Спины и зада «супервожака»,
За коим следует тупое стадо.
Лекарств не надо тоже мне пока.

Не надо мне шикарного дизайна
И содержания его хлопот,
Не надо знать того, что кроет тайна,
Но знать хочу, что должен знать народ.

Я нетерпим к невежеству и лаю
И даже на гребне успеха я
Холуйства, фу, совсем не уважаю
И мне не надо роли холуя.

Мне не нужны по случаю парады
Впрямь в Лету отправляющие новь.
Друзей мне тоже множества не надо.
Причём совсем не надо мне врагов.

Не надо также мне застоя, спада,
С которым тщетно борется страна...
О, Боже мой, как много мне не надо,
Как много лишнего есть у меня!

Мы не предатели

Мы не предатели, мы Родины не предавали.
Не Родину – мы, - Родина нас предала сама
Её из большевистской тирании мы освобождали,
Освобождённая, вновь оккупантам новым отдалась она,
А овладели ею прежние коллаборационисты – олигархи
И болтуны политики – их ставленники.

Мы эмигрируя Отчизну не оставили,-
Не Родине мы, а она при этом изменила нам –

Виновница трагедий поколенья нашего и драм,-
Нас эмигрируя, с «элитой» новой флиртвала,
Власть над собой и достояние страны ей уступала.
Такое поведение её нет – не достойно дам.

Альпинисты

«Зачем взбираетесь на гору, альпинисты,
Опасности и крутизну одолевая,
Ведь к пику путь извилист и скалист,
Лавины мчатся с гор, погибелью вам угрожая,
А плечи режут рюкзака ремни.
А на вершине что? Лишь снег и холод,
Из под горы вы даже не видны,
Не восхитит ваш подвиг ни село, ни город...»
Ответил альпинист, на пик свой глядя,
Спиною повернувшись к низины оврагу:
«На гору восхождением не пик мы побеждаем, а себя,
Чтоб тем себе поставить пробу...»

На базаре

На окраине рынка – продажа
Птиц, животных – котов и собак,
И зверьков экзотических даже.
Подхожу посмотреть просто так.

Здоровяк покупает собаку, -
Продавец хвалит юного пса –
Шерсть, характер, поднять просит лапу,
Будто этим прощенья прося.

Продавец нежно пёсика гладит.
Пёс к хозяину дружески льнёт.
Покупатель хозяину платит.
Тот ему отдаёт поводок.

Пёс встревожен, - глядит на хозяина.
От него тот отводит глаза,
Деньги прячет под клапан кармана,
А в глазу пса как будто слеза.

Уводимый пёс вспять оборачивается
И скулит, натянув поводок,
Но продавший его отворачивается
И уходит. Визг пёсика впрок.

Не тужи, пёс, псам люди не злые, -
Конура, цепь, ошейник и дом.
У тебя, пёсик, будут другие,
А друзей, люди, мы продаём...

Украли иконы

У меня украли иконы,
У меня иконы украли...
Верил я и в верность, и в совесть,
Верил я и в разум, и в честь,
А они, своеволия, ломали
У ларцов замки сорвали
И с издёвкой, утоляя корысть,
Пригрозили мне счёты свести.
Что сказать держиморде – невежде?!
С кланом их тщетно мериться силой, -
Ведь у них в том иные меры,
Да не столь и большой урон, -
Ведь остался я жить, как прежде,
Мир как будто не изменился,
Лишь в душе моей нет больше веры,
А в ларцах её нет икон...

Долг

Погиб
Комбриг,
Ведущий в бой, -
Его сменяет рядовой.
За правду смелых в грот запрут, -
Ее гласит дворцовый шут.
Когда иных трибунов нет –
Им должен стать ты, мой поэт.

Пропаганда и истина

Если о свободе Вашей
Палит салют во все стволы,
Значит
Вам уже надеты кандалы.

Если рупоры орут о том, что больше нет эксплуатации, -
Кабала всеобщей стала, значит.
Разве убеждению, что нету зла,
Когда всем это очевидно,
Кто - то будет тратить время зря,-
Такое даже признавать завидно.

Списанный корабль

Я больше в море не хожу, -
Лишь с берега гляжу на волны
И уходящую межу
За каждым кораблём, в даль вольную.

По-прежнему мне снятся сны
Волн, дальних рейсов и тайфунов
И трюмы всячины полны,
Измены женщины – фортуны.

Частенько собираюсь я
С иными суднами к походу.
Как судна винт, тоска моя
В душе ворчит и «мутит воду».

Но больше в рейс я не ходок, -
Порвав и скомкав боль – обиду
И вычеркнув желаний слог
Своей судьбы им не завидую,

Но мне завидно тем, кто в бурю
В борьбе погибли, утонули.

Все меньше

Друзей и их проекции всё меньше.
Всё ближе их аннигиляции порог.
Им беспристрастно отвечаю тем же.
Чем дальше, тем я больше одинок.

Посланцы будто ада или рая, -
Виденья пролетающих комет
Уходят, не задерживаясь, оставляя
Мне исчезающий в пространстве светлый след.

Когда-то скучный мир мой разлетаясь
Давно направил на меня корму.
Напрасно сердца жар и свет сияю
Я в холод и космическую тьму.

Гулливер и лилипуты

Чтоб устранить изъяны мер,
Явился к гномам Гулливер.
Недоросли те, лилипуты,
Немедля Гулливера спутали,
Чтоб, соблюдая гномий ГОСТ

Он бы не смог встать во весь рост.
И чуть не совершилось зло,
Но Гулливеру повезло, -
Что слабенькие были путы,
Ведь путали их лилипуты.
Порвав их, Гулливер ушёл
Туда, где счастлив до сих пор.
В чём эта сказочная враль
Припрятала свою мораль?
Мораль я чую в смысле том,
Что мил для гномов только гном.
Проверь, ан нет, - бери на веру –
Не уподобься Гулливеру.

О чём пишу

Я безразличен к славе и престижу,
Но нетерпим я к подлости и злу.
Пишу о том, чего я ненавижу,
О мире том, который я люблю.

Я говорил, - никто меня не слышал,
Кричал, но как в пустыне голос глож.
К народу в тихих социальных нишах
Укрывшемуся обращался впрок.

Ему открыть пытался вид на дали,
Но люди, брызгая презренья яд,
Моим советам добрым не внимали,
Я обращался будто невпопад,

Хотя оправдывались предвещания, -
Предвиденная мной тогда беда,
Как зверь, набрасывались даже ранее,
Чем я пророчил им, почти всегда.

Предупреждениям – советам не внимая,
Издёвкой отвечали на совет.
Лёд душ людских, огнём души сгорая,
Напрасно я пытался разогреть.

О них я слышал только отрицанье
Иль обвиненье при отсутствии вины.
В попытку помощи они бросали камни.
Увы, я не услышан был людьми.

А потому, уйдя в молчанье нишу,
В уединенье боли и в пылу,
Пишу о том, чего я ненавижу, -
О крае том, который я люблю.

Поэт и Родина

Без Родины поэтов не бывает.
Поэт без Родины – нет, не поэт,
Как без фундамента постройка здания.
Без Родины поэтов не было и нет.

Да-да, предвижу ваши возражения, -
Возможны, даже есть почти
Дома построенные для передвижения,
Но ведь не небоскрёбы, не дворцы.

Без Родины высоты недоступны.
Без Родины откуда силу брать,
Чтоб стать поэтом мало-мальски крупным,
Откуда взять восторг, любовь и страсть.

Вне Родины нет соловьиных трелей,
Вне Родины беспочвенен сюжет.
Поэт и Родина – единство целого.
Поэзии народной без сей связи нет.

Р. Левиной

(Провожая эмигрирующую)

Ты уезжаешь в тёплые края.
Я остаюсь стеречь твою потерю.
Ты навсегда прощаешься, а я,
Что птицы снова возвратятся, верю,

Когда капель растопит ярость стуж,
Ветра свобод развеют тягость скуки
И засияет солнце в лунках луж.
Я твёрдо верю – это будет, будет...

Вернутся птицы из чужих сторон,
Крича приветствия родному краю.
Но будет ль ждать тебя родимый дом
И примет ли тебя он, я не знаю.

У всех судьба у каждого своя.
Есть в этой истине своя отрада...
Ты улетаешь в тёплые края.
Я остаюсь. Мне оставаться надо.

Вечная юность

В порывах веселья и грусти
Верчусь я по трассам кольца,-
Конца нет в моей буйной юности,
Не вижу её я этом конца.

Созвездия – десятилетия
Жизни уходят назад
И гаснут в реликтовом свете
Вселенных чудес и утрат.

Душа переполнена рвением
Мыслей, любви и затей,
Сплавлена ярким горением
Сверх напряженья страстей.

Я полон великих желаний,
Как в юности брав я и смел,
Готов с безотчётностью ранней
На безответный удел, -

Броситься с риском с окомки
В пропасть и в пламя, и в дым...
Помните люди – потомки
Вечно меня молодым!

Старики и молодые

Нет! Не все старики – старцы,
Молодые – юны не все.
Форму жизни дающие матрицы
Не всегда суть меняют в душе.
Не от возраста дух быстро старится,
Духу пагубен мысли застой,
Жаль мне юного дряхлого старца,
Так спешащего на упокой.
Я бы в вечность послал живыми
Нестареющих век стариков,
Но дано мне лишь сей скромной рифмой
Отличать их изяществом слов.
Я поставил бы на пьедестале
Всем им памятник, высек бы стих...
Но, о Боже, как всё-таки мало
Молодых среди тех и других!

Туристической попутчице

Завершены последние этапы,

И на стоянках не горят костры,
Вновь упакованы в чехлы палатки,
Сданы на склад проката рюкзаки.
Вокзалы нас зовут, открыты кассы,
А в тамбуре кипит дорожный чай,
И веером ложатся автотрассы,-
Подруга, турпопутчица, прощай!
Когда в горах гремела непогода,
Нам угрожал обвалом дальних гром,
Ты на привалах сложных переходов
Была для нас и солнцем, и огнём.
На крутизне скалистой перевала,
Одoleвая пик, ледник и брод,
Опасностям ты прелесть придавала,
Романтику вселяла в наш поход.
А на последней, на прощальной днёвке,
Когда вечерняя взошла звезда,
Была прекрасна ты в простой штормовке
И будешь в памяти такой нам навсегда!

Фонари

Фонари, фонари, фонари,
Освещающие мне дорогу
Сквозь ночную хмурь,- тьму до зари
К новых встреч – расставаний и порогу,

Не терзайте мне душу тоской
Безответности и одиночества,
Подарите свой гордый покой,-
От переживаний отрочество.

Пусть утихнет сердечная боль
От тяжёлых сердечных ранений,
Нанесённых возлюбленной, толь
Лжедрузьями, их подлой изменой.

А бесстрастный ваш свет, фонари,
Немерцающий, ровный, холодный
Пусть остудит мой мозг до поры,
Возмущением воспламенённый.

Фонари, научите меня
Стать такими, как же как вы, неподвластным
Ожиданию нового дня
И порывам – волнениям страстным.

Мне у вас разузнать бы пора,
Как толь люд восторгается ахово,
Толь безлюдно кругом, до утра
Свет свой миру дарить одинаково?

Прошли года волнений

Давно прошли мои года волнений,
Года тревог и радостей прошли.
Подъёмов больше нет и нет падений.
Крадётся в душу скука повторений
Давно реализованной мечты.

Пришёл покой уверенности умной.
Желания теперь блюдят предел
Своей целесообразности разумной,
Не манят больше всплески славы шумной, -
Её тариф изведен и удел.

Не стало жизненных далёких целей, -
Одни - достигнуты, иные – отменил,
В них разочаровавшись, либо из-за мелей,
Коллеги на которые зря сели
Не манит фимиам былых кодил.

Штиль... Никуда не манят страны света,
Утих глубинных далей вечный зов.
Но игнорируя и отрицая это
По-прежнему горит в душе поэта
Протест, порыв, желание и любовь.

Погибшие друзья

Не война. Не бушует стихия.
Тихо, мирно в галактике всей,
Но всё гибнут друзья дорогие.
С каждым годом всё меньше друзей.

То карьера их в Лето уносит,
Накопительство губит иных,
Алкоголь и расчётливость косит.
Их оплакивает этот стих,

А оставшиеся – растерялись, -
Разметали их спешка, дела.
Скрыли их социальные дали.
Что с того, что планета мала?!

На вершине

Весь мир под тобою.
Ты счастлив и нем,
Но вновь сердца ноем,
Завидуешь тем,
Рюкзак чей гнёт спину
У горной гряды,
Которых вершины
Ещё впереди.

Застыв на вершине,
Ты с теми душой,

В ущелья теснине,
Умывшись росой,
Кто смотрит на пики
Хмельны от мечты
Задорно и лихо
На пик свой взойти.

Презрев достижение,
Ты жаждешь опять
Своё восхождение
С начала начать.

Туристский привал

Туристов свалила усталость
Им кедр предоставил уют.
Сейчас отдохнут они малость
И снова по коням и - в путь...

Над кедром – высокое небо.
Под кедром – туристский привал, -
Консервы, край чёрствого хлеба,
А дальше – опять перевал,
А дальше, опять – перевал...

Стоит тишина на привале, -
Туристам в горах нелегко.
Туристы в походе устали,
Стоянка ещё далеко.

Над кедром – высокое небо,
Под кедром – туристский привал,
Консервы, край чёрствого хлеба,
А дальше – опять перевал...
А дальше опять перевал.

Те, кто тундры грязь измеси́ли,
Сто речек протопали вброд,
Молчат, - экономят силы.
Ещё́ пять минут и – в поход...

Над кедром высокое небо...
Под кедром – туристский привал,
Консервы, край чёрствого хлеба,
А дальше – опять перевал...
А дальше – опять перевал.

От пыли они поседели.
Сегодня им трудно в пути,
Чтоб смочь так до жизненной цели
По всем перевалам пройти.

Над кедром высокое небо,
Под кедром – туристский привал,
Консервы, край чёрствого хлеба,
А дальше опять перевал...
А дальше – опять перевал ...

Пустая порода

Я всё рою, рою, рою дикую породу,
Из-за дня в день и из года в год.
Заливают котлован мой воды,
Рушатся в проходах шахты своды,
Слепит пыль, спиной струится пот,
А из разработки вверх идёт
Лишь пустая серая порода.

Дни бегут гурьбой, уходят годы,
Но заветной жилы нет, как нет,
Горы лишь растут пустой породы,

Никому не нужной, неугодной,
Впрок всё глубже ходит спуска клеть
И искрят под киркою пласты
Скальные и вечной мерзлоты.

Я ж всё рою, рою, рою в поиске удачи
В тёмных подземелий глубине.
Шахты стены водопадом плачут,
Духи тьмы свои богатства прячут
И не открывают ларцов мне.

А меня подозревают люди,
Для которых я ищу богатств,
В ханжества неблагородной блуди
И в грехах превратных святотатств.

Волки

Нас снова окружают
Красными флажками.
Кругом собаки лают,
Стрелки идут рядами.

Во страхе одиноки мы.
Нас гонит эхо выстрелов.
В загоне мы, мы – волки
Под пуль-жаканов свистом.

К земле прижавшись, головы
На лапы опуская,
Ползём от чада крови
И от собак рык - лая.

Для чей-то личной пользы
Распорядился кто-то
Нас истребить. Шьют борзые, -

На нас идёт охота.

Дороги

Пути, пути, пути, пути,
Пути, пути – дороги...
Проплыть, проехать иль пройти,
Не до конца пусть, но – почти
Мне дай Бог срок и ноги!

Спаси от блуди, дрейфа в льдах,
От в сторону уноса,
От селей и лавин в горах,
Угрозы, наводящей страх,
Преград, кольцовок кросса!

Дай Бог мне ехать, плыть, идти
К моей заветной цели.
Конца не будет пусть пути
Мне к исполнению мечты
И ложных параллелей.

Ещё, о Дзеус, я бы хотел
В труде и в муках студий,
Найти для всех такую цель,
К которой навсегда отсель
Бы устремлялись люди!

Женьшень

В тайне от таёжных троп
В гуще диких трав
Рос он, беленький цветок,
Теша скромный нрав.

Пред великим был он мал
Силой был не дюж,

Как все травы, он сникал
В пору зимних стуж,

А когда смерч лес валил
И «ломал дрова»,
Послушаньем ветрам льстил,
Гнулся, как трава.

Но копил он под землёй
Долго – до поры
Категории иной
Дивные дары,

Изгоняющие прочь
Слабость, страх и лень, -
Всемогущий всем помочь
Золотой женьшень.

Он, собрав, убрал во тьму
Зори долгих лет,
Потому под стать ему
Чародея нет.

Уходя

Друзья былые разошлись, друзей не стало.
Нет в этом их, нет и моей вины.
Вот снова в темноту звезда упала...
Один в даль космоса я мчусь устало,
Там, в безвозвратности друзья мне не нужны.

Я одинок в верхах моих познаний, -
Светило, люющее во тьму свой блеклый свет
Средь мириад таких же в Лете дальнем,
Взгляд ищущий меня в пути скитальном

Достигнет, может быть, сквозь мириады лет.

Но что скажу я дальнему потомку,
Свою былую силу растеряв,
Утратив мысль, когда-то смыслом ёмкую, -
Там за эпохи незнакомой кромкой
В зрачок случайного зреца попав?!

О прежних ль временах, о жизни прошлой
Навечно безвозвратной и чужой,
О подвигах и об измене пошлой,
О прямоте и вычурности косной
Из Лета будет ль ведать лучик мой?

Зачем потомкам наши идеалы,
Воспоминания о нас зачем?!
Да разве собственных проблем им будет мало?!
С того я в космос ухожу устало,
Рассеивая в нём остатки стихотворных тем...

Не надо мне

Мне не надо должностей высоких,
Мне не надо званий и имён,
Обывателей дразнящих охи
И завистников тяжёлый стон.

Мне не надо шик модерн - дизайна,
Мне не надо для свободы скоб,
Мне не надо знать того, что – тайна
Для чужих, шпионов и врагов.

Мне не надо коньяка, шампанского,
Пива, бренди, водки и вина –
Заменяющего секс хмельного транса
И команд не надо: «Пей до дна!»

Также «модернистов»-конкурентов,
Дескать «стыдно от которых отставать»,
И за славой мне не надо в Лету,
Ведь из Леты нет дороги вспять.

Мне кулинарии всей не надо, -
Диетически разборчив я,
Экономики не надо спада,
Бегства многих в чуждые края.

Мне не надо виллы, огорода,
И автомобиль мне ни к чему.
Нравится мне обретения мода,
Но я не коммивояжёр ему.

Мне и «избранных» не надо стада, -
Нудно там среди олигархов слуг...
Боже мой, как много мне не надо,
Лишнего, как много есть вокруг!

Если надо

Я готов умереть, если надо.
Если надо – готовьте свечу.
Лишь в постели за ширмой фасада
Просто так умереть не хочу.

Если надо – погибну в сражении,
Если надо – замёрзну во льдах,
Но в тиши милосердного бдения
Не хочу умереть просто так.

Если надо – пойду я в атаку,
Если надо – я сгину в огне,
Если надо – я лягу на плаху.

Не хочу умереть лишь в тюрьме,

Не хочу умереть я в неволе
Безответным рабом, так как жил,
Волочить срам бесправия более
Не имея желаний и сил.

Я готов умереть, если надо.
Без меня пусть восходит заря
И содействовать тем – мне отрада,
Не хочу умереть только зря.

Ну, а если не сбыться желанию,
Лик мой станет, когда бел, как мел
На орде вопреки причитанию,
Знайте все, что я так не хотел.

1979 год

Я не умру

Я не умру, я не исчезну в Лете, -
Я только в вечность навсегда уйду,
В реликтовом чтоб раствориться свете
Росинкой в райском засверкать саду.

Частицей стану разума Вселенной
И бесконечной вечности его,
Иррациональным олицетворением
Мгновения явленья моего.

Ничто и никогда не исчезает.
Не появляется ничто из ничего,
Лишь проявление своё меняет
Всеобщее и вечное ОНО.
Я – только миг Великой бесконечности.
Когда мне будет сказано уйти,

Уйду за тем, чтобы остаться в Вечности.

Всегда мы будем в ней – и я и ты.

Пророк

Мне тяжело, мне тяжело, мне тяжело, -

Никто, никто меня не понимает,

За откровения толпа тупая зло

Меня, глашатая, хулит и хаает.

Не видящим того, что вижу я,

Того не ведающим, что я знаю,

Открыть, поведать я стараюсь зря.

Они меня за это осуждают.

Шокирует открытий новизна

Заблудшую, тупую аудиторию,

Она не в силах, нет понять меня

И к моему, и к собственному горю.

А я хотел, я так хотел, я лишь хотел

Позвать их из безумий и несчастья,

Жить правильной, счастливей, чем до сель

Из предрассудков вывалившись власти,

Им, как глухим, зов бесполезен мой,

Не показать слепому путь из ямы, -

Они плюются, лаются, иной

Взяв из-под ног, в меня бросает камень.

Я одинок, я одинок, я одинок

В прозрении больной за судьбы света,

Пророк, как все, которого поймёт

Быть может, поколение не это.

Разгул

Как странно – мир такой большой и вечен, -
Мы ж погибаем в чаде и в дыму.
И отвечать врагу уже нам нечем, -
Из нашей гвардии – кто мёртв, кто изувечен,
Кто дезертировал или ушёл к врагу...

ОНИ нам на словах сначала льстили,
А мы их принимали за своих,
Их чванство, как ошибки, им простили,
Они ж взяв власть от дел нас отлучили,
А мы врагов не опознали в них.

И вот – под солнцем мир большой и вечен, -
Мы ж погибаем в чаде и в дыму
И отвечать врагу уже нам нечем,
Из нашей гвардии кто мёртв, кто изувечен,
Кто предал нас – перебежал к врагу...

Мы в их добросовестность напрасно верили,
Лишённых совести до той поры,
Открыть огонь по им – своим не смели,
Пока они позициями овладели
И повернули против нас стволы.

Кругом подзвёздный мир большой и вечен.
Мы ж погибаем в чаде и в дыму
И отвечать врагу уже нам нечем,
Из нашей гвардии – кто мёртв, кто изувечен,
Кто убежал, кто перешёл к врагу...

Позвать о помощи не можем – нас не слышат
Никто под вражий орудийный гул.
По полю брани только пули свищут
И нас, оставшихся, в окопах ищут.
В стране свирепствует врагов разгул.

На приколе

Ветра и дождь печаль напрасно моет
С лица небес. От тяжких серых дум
Оно недружелюбное и злое,
А даль напоминает тёмный трюм.

Качается на мёртвом бак – приколе
Ковчег неспящего корабля,
Увы, не посещающего более
Далёкие и ближние моря.

Застой в делах тупицы капитана
Корабль привёл в безвыходный загон.
Его качают волны неустанно,
Он издаёт в ответ тяжёлый стон,

А небеса, насупив хмуро брови,
Уныло осуждающе молчат.
Не манят корабля восторги нови, -
На нём печальной гибели печать.

Он не утонет. Сгинет он иначе.
Нет, не способен больше он к борьбе,
Его конструкции съест гниль и ржавчина.
Лишь жалость он оставит о себе.

А ведь гудел, вертясь в пределах мола
О суперрейсе даденном ему,
В который вплавь уйдёт он очень скоро,
Дав ориентир всем нам – свою корму...

Теперь – лишь чайки плачут. Мачты стоя
Несут на нём почётный караул
И осуждение сугубо злое

Вплетают в тросы хмури и ветра гулы.

Слезливый дождь печаль напрасно моет
С лица небес. Покровом тяжких дум
Его слой облаков и тучи кроют.
До горизонта даль темна, как трюм.

В камере смертника

Последняя обитель. Погреб здания.
Бетонный пол. Окошко высоко.
А на полу луны свет в тёмной раме,
Покрыто будто грунтом полотно.

Все стены записями смертников прострочены.
Призывы в них бороться продолжать.
Я не пишу их – их не примет почта
И не опубликует их печать.

Тьма по углам. Уныло, сыро...
И дверь, через которую придёт
Смерть в сопровожденьи конвоира.
Она меня отсюда уведёт.

Я здесь один, лишь в полнолуны месяц,
Мой друг и спутник с юношества лет,
Через решётку с сожаленьем светит,
Подбадривая будто не робеть.

Вас продолжать борьбу я оставляю.
Жаль рано уступить пришлось судьбе.
Через окошко звёзды мне мерцают,
Как будто в небеса зовут к себе.

1975 год

Смертельно раненый

Смертельно раненый лежу на поле боя,
Меня оставив те, кто выжил, все ушли.
Неслышно подлетающих снарядов воя
И канонады зверь утих вдали...

Вокруг – истерзанных, убитых воинов трупы.
Чернеют крови лужицы, подбитый танк горит.
Погибших сверстников моих сжимают руки
То пулемёта короб, карабин, то автомат,

А наша смена отступила с боем.
Здесь я совсем один, как бы стиха забытый слог,
Я умираю. В памяти - обрывки битв, надежд, бывшее...
Из ран струится кровь моя и жизнь в песок.

Поэту и актёру Владимиру Высоцкому

Я снова верить стал. Вновь сердце верить стало,
Что песни юность не проходит, нет,
Что можно спеть, да так, чтоб за душу хватало,
Чтоб колоколом загудела мысли медь.

Больны мы все пугливым безразличьем,
Всех пропитал нас насквозь культов чад.
Один лишь ОН, терзаясь хриплым кличем,
Пытался нас заставить мыслить, чувствовать и не молчать.

И вот финал – Высоцкого не стало,
Лишь голоса его ещё звучит истошный хрип,
Вонзаясь в душу каждого, как жало,
Прочь изгоняя паралич умов и совести радикулит.

Рукописи горят

Не правда то, что рукописи не горят.
Что рукописи не горят – не правда
История и современность нам вторят ,
Что рукописи и их авторы горят,
А с ними и тех рукописей истина и правда.
Недавно те, которых следовало бы и слушать и читать,
В дым превращались на кострах и в крематориях,
Сгорали рукописи в топках следственных структур
Диктатур.
А ныне, избежавшие «кастрации»,
Сгорают рукописи многие в каминах и печах редакций,
От безнадёжности и разочарования
Творцы сгорают в алкоголя «пламени».
Не надо утешать нас и помпезно врать,
Что рукописи, дескать, не горят, -
И рукописи и их авторы горят, горят...

Война

Идёт война.
Вновь ненавистью дышит
Даль, трупный смрад
Разносит ветер зол.
Идёт война.
Опасность рысью рыщет.
На брата брат
Наводит ствол.

Пресытившихся
Волей жжёт изжога,
Кипит желчь в жилах,
Гложет неуют,
А безвести пропавшие
Без гроба
В могилах
Неизвестных нам гниют.

У друга друг гребут, -
Идёт война наживы.
Восходу солнца рады
Вор и плут,
Благодарят судьбу
За то, что живы
И вновь в засаду
Подлюю бредут.

И нет конца войны
Суровой, лютой.
Столетняя война
Ей не под стать.
По чьей вине
Палят её редуты,
Никто не знает,
И нам не узнать.

Все целятся в кого-то
В мыслях и реально.
Прицелившись, не дрогнет
Меткая рука...
Хотя,.. хотя-то
В стане ближнем – дальнем, -
В селе Господнем оном
Нет войны пока...

На расстрел

По короткой и узкой тропинке
Мы идём к безвозврата пределу.
Как на книжной эффектной картинке,
Конвоиры ведут нас к расстрелу.

В миг последний по воле сатира
До чего ж нам мила панорама!
Нам осталось от прелестей мира
Сто шагов по тропинке и - яма.

Не для нас всей Вселенной посулы
И идиллии целого света, -
Нам в затылок направлены дула,
Ждёт нажима курок пистолета.

После «проводов» вы возвратитесь
Каждый на караулки веранду,
Как исполнивший долг бравый витязь...
Не тяни командир – дай команду!

Наше время ушло, мы уходим,
Но и вас, жажды вечно жить пленники,
За затею преступную вроде,
По порядку поставят всех к стенке.

С пика

Я пик достиг с трудом, осилив робость.
Отсюда впрямь сквозь облачную ключь
Я вижу, что страна моя несётся в пропасть
И знаю как, но не могу помочь.

Кричу стихами: «Стойте, люди братцы,
Вы, общество, рассыпитесь во прах –
На отчуждённых – группы, шайки, нации,
На «каждый за себя», как камнепад в горах!»

Но силюсь зря, - никто меня не слышит.
Все прут вскачь, врозь, их будто гонит кнут.
Редактора и журналисты пишут
И лишь угодное для олигархов издают.

Кричу учёным я, сложив ладони в рупор...
Там тоже безразличных толчея
Вокруг своих профессоров в их группах.
Внимание их привлекаю зря.

Я одинок на пике и бессилен,
И страшно мне не за себя, - за них.
Зря любознательность меня на пик мой заманила,
Напрасно написал для вас я сей мой стих.

Молодость

Как же быстро друзья стареют,
Счёт в минувшем открыт иным...
Так у дерева ветви мертвеют
После новых и новых зим.

В пору встреч я седин чую холод,
А во взгляде, как будто вина
Только я, только я так же молод,
И душа моя страстью полна.

Я – в желаньях нескромных, игривых:
Не по мне избегать взглядов див.
Я готов жить, готов быть счастливым,
За себя и за тех, кто ленив.

Не хочу я стремления в Лету.
Что ж вы так одряхлели, друзья?
А, быть может, реакцию эту
Возбуждаю в них именно я?

Но ведь молод я, весел, как дети,
И избыток такой чую сил,
Что готов всё любить я на свете,

Как любил и ещё не любил!

Зло

Где весна отгалдела давно,
Где смерчи отгуляли по дюнам,
Открывается взгляду одно –
Даль позёмки в меху белорунном.

Там под снегом притихло на срок
До грядущей весны всё живое,
Не погибшее в холоде впрок,
Восхищающее нас и – злое.

Зло не вечно, но следует знать, -
Никогда с ним не кончатся споры.
Зло весной воспрянет опять, -
Не уйдёт вместе с холодом в горы.

Однолетки

То – слева, то – справа, как воины в бою,
От пули невзрачной пометки
Ниц падают тихо на землю свою
Родные мои однолетки.

Чем дальше, тем меньше становится нас,
Суровой поры могиканов.
Ушедшие нам оставляют наказ,
А в сердце глубокие раны.

Калённым, палённым в суровой борьбе
В каденции зла полновласть,
Пока бой идёт - мне, ему и тебе
Не выход демобилизация.

В сраженьях со скверной за яркость зарниц,,
Как будто от пуль и осколков,
То справа, то слева мы падаем ниц
Под гром клеветы кривотолков.

Погибшие дома

Погибшие дома
Передо мной стоят.
Они, как и деревья,
Погибали стоя.
Их память, в закромах
Хранившая, опять
Восстановила. Реют
Они вновь предо мною.

Оконные глазницы
Чернеют. Пахнет гарью.
Живых, объятых пламенем
Я снова вижу их.
В дыму летают птицы.
О гибнущих в пожаре,
О безутешной драме
Вещает нам их крик.

Погибшие дома
Умчались в жизнь иную,
Но – лишь глаза закрою,
Они в огне опять
По полигонам сна
Пылая маршируют,
А канонада кроет
По ним за матом мат.

Дома, дома, дома,
Погибшие в сраженьях...

Они не отступали
От заданной черты.
Не их, домов, вина
В позоре разрушений,
В их копоти и гари
Повинны я и ты.

На нас лежит позор
Ушедших поколений.
Вовек людским потомкам
Нести позор и стыд
За всех пожарищ вздор
И за уничтожения.
Вины перед историей
Нам всем не заглушить...

Желание

Туман окутал город мой,
Лишь фонари во мгле
Плывут весёлой кутерьмой,
Сигналя на корме.

Их томно, как на море штиль,
Уводит в даль асфальт,
Гармонии спокойной быль
Вторит им ночи альт.

Как в сене брошь или иглу,
Я пыл былой уняв,
Одолевая тьму и мглу,
Ищу упорно явь.

Меня влечёт ещё одно:
С утра и до зарниц
Хочу идти я к солнцу, но

Чтоб солнца не достичь...

Метеор

Метеор подвластен притяжению,
Возгораясь устремился вниз.
Я ему кричу: «Куда? От трения
Ты же воспламенишься и сгоришь!

Если всё же улыбнётся счастье, -
Цель достигнешь – от удара вдруг
Назем, разлетишься вмиг на части,
На округу наведя испуг».

«Не мешай мне! – метеор ответил, -
Этот миг я ждал. Я так хотел,
Чтобы ты мой шаг к тебе заметил...»
Так сказал, вдруг вспыхнул и сгорел.

Молодость наша

Никогда, нет, не были мы старыми.
Лишь о молодости нашей этот сказ.
Ну и что же, что в финале драмы
Многие прощавшиеся с нами
Знали лишь не молодыми нас!

А мы стариками вовсе не были,
Только время наложило грим,
Провожая нас вдруг за кулисы небыли,
Так, как режиссуры нормы требовали,
Роли стариков дав нам молодым.

С избытком выдержки и веры нам хватало
Невгодам всем и кривдам вопреки,
А если уж чего нам не хватало,
То долгой жизни всем нам было мало,

Для дела сроки оказались коротки.

Со временем мы вовсе не старели
И на высокий радостный мотив
Нам также, как и всем вам вёсны пели,
Порывом радовали вьюги и метели
И восхищали дали перспектив.

А сердце вдруг пока остановилось
От поразившего проблем свинца,
Так, как и в юности с порывом билось
И утихая с жизнью не протилось,
В ней оставаясь юным до конца.

Там и не успели мы стать стариками,-
Лишь о молодости нашей жизни этот сказ.
Ну и что же, что в финале драмы,
Кое-кто видал нас стариками, -
Помните вы молодыми нас.

Кактус

Я – кактус, сын пустыни,
Я некрасив, колюч
Мены не ест скотина,
Меня обходит плющ.

Во всевозможной скуди
Я приспособлен жить.
Меня не любят люди,
А солнце не щадит.

Лишь близною инея, -
Убором зим точь в точь,
Мои колючки длинные
Украшает ночь...

Но красотой все дюны
Затмят мои цветы.
Бессонной ночью лунной
Узреть их сможешь ты.

Их прелесть и их чары,
Прощарствовав всю ночь,
Исчезнут. Вновь отары
Мой вид отгонит прочь,

На мне твой взгляд остынет,
Поблекнет яркость рифм...
Я – кактус, сын пустыни,
Колюч и нелюдим,

Но никогда от ныне
Ночные те цветы
В простуженной пустыне
Нет, не забудешь ты.

Цветы

Лишь оглянись – увидишь ты:
Везде вокруг цветут цветы,-
Лелеют дали – цветь труда –
Цветные сёла, города,
Ковёр цветенья на лугах,
Лён голубеет на полях,
Цветёт полётом самолёт,
Свободой – жаворонок лёт,
Цветёт волнистой синью рожь,
А на озёрах ряби дрожь
Цветами лилий нам цветёт,
Расшивкой бликов золотой
И первозданной красотой.

Цветут опекою леса,
Когда стемнеют небеса,
На землю сыплют лепестки
Созвездий дальних звёзд цветки.
Зима – балунья и мороз
На окнах нам рисуют роз
И вовсе не пурги разбег
В лицо кидает колкий снег,
А это чудо – цветь небес
Покрыло иньем зимний лес,
Засыпали овраг реки
Снежинок мелкие цветки.
Зажмурься, и почувшь вновь,
Что в нас самих полно цветов
Любви, даренья, доброты
И яркой жизненной мечты,
Цветут поэтикой стихов
Изящность стихотворных слов.
Нет зла, печали, темноты,
Когда в душе цветут цветы...

Зимний вечер

Сиреневый туман заката
Над кручей Запада навис
И, доиграв игру до мата,
Небес вниз опустил карниз.

Зардели в окнах карнавалы,
Домой уходят рыбаки,
Сугробов сытые отары
Легли жвать жвачку у реки.

На изморозь собаки лают.
Небес чернильную бутылъ
Ночная фея наполняет

По горло синевой чернил,

Включает звёздную подсветку

Раздумий и мечты шатра,

Чтобы неспящему поэту

Всю ночь писалось до утра.

Персик

Да, сладок я своею спелой мякотью,

Готов я угостить тебя, его, вас всех.

Я расположен к вам. Я – ваш, но кстати

Внутри меня не косточка, а кость, орех

В невероятной твёрдости оправе

Скрывает горьковатое ядро.

Ты мякотью моей полакомиться вправе,

Хваля его и восхищаясь, но

Разгрызть ядро не прилагай усилий

(Предупрежденья смысл, пусть и не нов):

Те, кто пытались, те его не раскусили,-

Затею бросили, оставшись без зубов.

Безвыходное положение

По Шандор Петефи

Соратник по перу

Пожаловался мне:

«Судьбу свою корю

Что по своей вине

Я полюбил красотку

Мне ласковую, кроткую.

Решил на ней жениться...

За то – готов напиться, -

Супруга ежедневной

Мне объявилась ведьмой

И даже хуже - первой

В большой толпе стерв – стервой.
Во всём ей угождаю,
Не спорю, уступаю,
Она ж меня ругает
И унижает, хает,
Не уяснив потенции,
Являет мне претензии,
Трудиться не стремится,
И лишь детей рожает,
И это продолжает,
А любит лишь молиться.
Я поступил бы строго,-
Боюсь прогневать Бога.
Всё ахает, вздыхает,
Ворчит, что умирает...
Я был бы даже рад,
Её забрал бы коль ад,
Но жён – супруг таких
Как мы, пока живых,
Похоже, по их смерти
Боятся даже черти...»
Я помню, дал совет:
«Да жить этак не годится, -
Есть выход – удавиться
Иль развестись!» «О, нет, -
Ответил мне пиит, -
Супруга не велит...»

15.03.2015 года

Нет настоящих мужчин

Для лица вы делаете макияж,
Носите очки от солнца, линзы глаз,
Облик свой меняете посредством операции,
Курсы посещаете вы поведения и грации,
Лаком покрываете и ног, и ручек ногти

И их затачиваєте, как будто кошка когти,
Красите и волосы, и губы,
Имплантируете имплантаты в груди,
Брови щиплете, наклеиваете ресницы,
Ходите не натурально, а на цыпочках, как птицы –
На высоких тонких каблуках,
Чтобы выше оказался зад и пах
И стройнее нам казались ваши ноги,
Нам же представлялись длинноногими,
Даже в сексе вы, поддельный имитируя экстаз,
Нас торопите, чтобы быстрее отделаться от нас.
После этого вы по какой такой интенции
Смеете нам предъявлять претензии, -
Скисает молоко от ваших кислых мин,
Что, мол, настоящих нет мужчин?!

Диалог со смертью

Смерть, ты только погоди немного, -
Что же ты пристала, как кила!
Завершу важнейшие дела
И тогда, - пожалуйста – в дорогу!

Была жизнь моя такую чудной
Дел, мечты и радости игрой,
Что, эх смерть, пока не будь ты нудной, -
Лишь разделаюсь с делами и – я твой!

О прошедшем? Нет, я не тоскую, -
Жизнь мне угораздило прожить
Необыкновенную такую,
Что не о повторе мне тужить!

Да и разве надо повторений?!
Смерть, ну не берись ты горячо, -
У тебя, ведь, бесконечность Времени, -

У меня же столько дел ещё!

На воинском кладбище

В долгу неоплатном, у братской могилы,
Как перед историей, скорбно стою –
Держу я отчёт о растраченной силе
По жизни, спасённой в смертельном бою.

Застыли в строю величавые туи
(Лишь ветер их кроны слегка шевелит) –
Земля, пышной хвоей бойцам салютуя,
Героев своих забывать не велит.

Чтоб выразить память о мужестве в битвах,
Нет праведных слов в философских томах –
Слов мудрых, как сказка, святых как молитва,
Разящих, как выстрел, как сабельный взмах.

С душевным волнением молюсь я негромко
У мраморных плит отгремевшей войны
О том, чтобы помнили наши потомки
Кровавую цену простой тишины.

Перевёл с литовского Алексей Гречук

Стихи Есенина

Погасли все люстры. И тотчас на сцену
Широкой походкою вышел актёр.
Почудилось вдруг: не актёр, а Есенин
Открыл перед залом российский простор.

Читал он стихи. Незаметно забылись
И злая судьба, разлучившая нас,
И многие годы, что в вечность уплыли.
Есенин – со мною, он здесь и сейчас!

Я вижу, среди скромной равнинной природы,
Где пламенем красным рябина горит,
Одетая в ветхий шушун старомодный,
Его дожидаясь, старушка грустит.

Стихи его нежность в душе пробуждают.
Желанья теснятся в моей голове:
Я в мыслях берёзку, как он, обнимаю,
Цветы мну, валяюсь на мягкой траве.

В прозрачной росе на восходе румянном
Меня охватила прохладною дрожь.
В полях под Рязанью на белых туманах,
Волнуясь, качается спелая рожь.

Ранимому сердцу в груди моей тесно.
Расстаться с поэтом никак не могу.
Мы слушаем вместе волшебные песни –
Поют их косцы на цветистом лугу.

Целует Луна деревенские крыши...
В ночном пастухи разжигают костёр...
Как фыркают лошади, явственно слышу...
Закончив читать, поклонился актёр.

От Божьего дара придя в восхищенье,
Овацией вспыхнул взволнованный зал.
Счастливого было у всех ощущение –
В гостях сам Есенин у нас побывал!

Перевёл с литовского Алексей Гречук

Счастье

Счастья никогда искать не надо.
Счастье появляется в свой час.
Счастье – не вдали, не где-то рядом,

Счастье – в нас самих, и только в нас.

Счастье – это сердца чуткий факел,
Тот, что освещает верный путь –
В ясный день и в беспросветном мраке
Он не позволяет в глушь свернуть.

Будет разгораться пламя счастья
От любви и нежных ветерков,
Надо лишь надёжно защищаться
От завистников и дураков.

Перевёл с литовского Алексей Гречук

Не нужны мне праздники иные

Не нужны мне шумные застолья,
Неуютно мне среди гостей.
Праздники – когда не скрючен болью,
Праздник – если нет худых вестей.

В искренность нетрезвых слов не верю.
Пьяный бред и горькое вино
Мне напоминают о потерях, -
Тех, которые ушли давно.

Я доволен жизнью и собою,
Мне дано немало бодрых лет.
Я обласкан щедрою судьбою,
На неё обиды в сердце нет.

Если вдруг на жизненном помосте
От удара навзничь упаду,
Соберу ушибленные кости
И своей дорогою пойду.

Жив я! – Праздник самый интересный –
Без долгов, страданий и вины,
Потому мне, кроме жизни честной,
Праздники иные не нужны.

Перевёл литовского Алексей Гречук

Чёрт

По мотивам стиха поэта Г. Гейне

Однажды чёрта я упомянул в уме
И он явился.
Здороваясь он улыбался мне,
Из-за того, что потревожил, извинился.
Сказал, что благодарен он мне ныне и вообще
За то, что я его частенько вспоминаю,
Причём не злобно, а как будто «в ласковом ключе»,
За им творимое у нас в Литве
Да и везде
Не осуждаю.
Он был одет в поношенный костюм,
В сорочке, с галстуком... не по последней моде,
Но чистый и опрятный, от тяжёлых дум
Про то, что человек друг другу – чёрт
И конкуренция чертям поэтому растёт,
В морщинах лоб его, меха, гармошки вроде,
Но – не угрюм.
Учёный оказался чёрт – он кандидат наук, -
По нынешнему – доктор жизни социальной.
Он с Богом не в ладах, по той причине не догматик и не глуп,
В суждениях своих оригинален,
Не то, что большинство моих коллег и дам – подруг.
Он власти критикует так же, как и я,
И увлекается литературой,
Творит стихи на темы бытия,
Которых ты бы не назвал халтурой.
Он осуждает также, как и я
В поэзии бессмысленные изощрения.

На модернизм он смотрит, взгляд кривя,
По адресу его шлёт свой укор,
А встретив возражения,
Доводит спор
До «белого каления»,
Но избегает матерного выражения.
Оправдывает он мои экскурсы прочь
Из дома всё туда, где водятся чужие дамы.
К ним тягу часто я не в силах превозмочь.
О чём я тут – догадывайтесь сами.
Как и я, он тоже признаёт, - все люди полигамны.
По-русски говорит, я тоже тем грешу,
С акцентом ощутимо иностранным.
Он вежлив, изречения «извините» и «прошу»
В беседе применяет чуть не постоянно,
Хотя от чёрта это слышать странно.
По возрасту он – чёрт не молодой,
Но не обрюзгший, как мои коллеги многие,
Не щеголяет с две недели не побритой бородой
Так, как сеймуну наши некоторые, подростки вроде.
Горазд он, как и я людей учить
Вертяться почти всегда в народе,
Как следует не по указке жить,
Он женщин соблазняет изменять, грешить,
Как будто я в его лице – дублёр мой вроде.
Меня не осуждает он за лень,
Злость в публицистике моей, в ней резкие орации,
Но, как и я, не лезет на публичности «плетень»,
Публичности предпочитает сень,
Его поэзии не приходилось мне увидеть публикации.
Он по бокалу бренди, коньяка
Со мною «осушить» в беседе не отказывается,
Сыграть с ним предлагает «в дурака»,
Не начинает претить проигрыши мне пока.
Он в политические прения не ввязывается.

На деньги чёрт мой не играет, говорит, что с казино
Из бизнеса игры чертей выпроваживают, -
До чёрта наплодилось их на свете, но
Коррупция в чертовском искушении теперь их заменяет,
Хотя известно, что давать грешно.
Меня он искушает тоже «в лапу» дать врачу,
Который «дачу» дачи провоцирует,
А то не дай Бог, как бы мне свечу
Поставить не пришлось бы на моей могиле
И я, конечно, соблазняюсь и плачу.
Зашли мы раз в кафе – трактир, -
Мой дьявол оказался
Мот, транжир,
Почти, как я своих гостей,
Он посетителей обители чертовской сей
(Платил за всех)
В попойки грех
Вовлёк, сам «нализался».
Чем вглядываюсь я внимательней в него
И сам себя когда разглядываю строже,
Всё больше убеждаюсь от того:
Чертовски друг на друга мы
Похожи!
Я спрашиваю вас:
«Сомненья мучают меня, -
Чёрт возьми,
Кто бес из нас,
Он или я?»

06-22. 09. 2011 года

По жизни...

Жить
Можно всячески, но,
Кто по жизни бежит,
Тот бежит от неё.

Уроды

У всех народов
Много водится уродов,
Склонных грабить, воровать, сорить,
Но разве все народы
Из-за того нам полагаются в уроды
Относить.

По Эйнштейну

Возможности
Там, где трудности.

По С. Нединскому

Великие энергии –
От Великой идеи.

По Р. Баху

Среди
Трудностей избегающих
Не найти
Их одолевающих.

По Ремарку

Нет любимых
Идеальных,
Но
Собрать такую и такого можно
Подетально
Из нескольких.

Просьба

Несчастья от религиозных войн перебирая в мыслях,
Молюсь, глаза я поднимая ввысь:
«Чтоб мир в землях во всех их душах воцарился,
О Господи, будь человеком, - отрекись!»
09. 08. 2011 года

Поэт

О, мотылёк, летун бесстрашный лета,
Дневной жилец глухих древесных ниш,
Зачем же ночью ты на проблеск света,
Скрывался от которого, летишь?
Летишь в огонь беспечно и бесстрастно,
Рискуя в пламени его сгореть.
Хотя, к чему вопрос? И так мне ясно –
Ты очевидно, как и я, поэт.

Слова и поэзия

Словами мыслим и мечтаем,
Словами девушек пленяем,
Словами «пыль в глаза» пускаем,
А иногда пускаем дым.
Порой, что только не скрываем,
Окутав им.
Нас радуют, и развлекают,
И разлучают, и сближают,
Богатство знаний умножают,
И создают, и разрушают
Слава – враги, слова – друзья,
Обыденны, скромны, иль пышны,
Иль жалящие, как змея.
Бывает, что слова излишни,
Но может обойтись без слов
Единственная лишь любовь,

Но и в любви слова не лишни,
А вовсе аж наоборот, -
Без слов она, как птичий лёт
Без песни, сад без цвета вишни.
Изящность слов вполне раскрыть
Способен лишь творец – пиит.

Мой стих

Стих мой – звень творения большого,
Что и в мире, и в стране гремит.
В силе строк и в ярком сплаве слова
Ныне очень острый дефицит.

Будь силён мой стих, подобен крану
Либо земснаряду аналог,
Сотни тонн чтоб,- не по килограмму,-
Пласт породы строф ворочеть мог.

Мне б создать конструкцию такую,
В ней такую прочность заложить,
Чтобы глыбу косности любую
Мощью строф могла разворотить.

Чтоб активности истоки обнажала,
Направляла их в одну реку,
А в умах людей, чтоб высекала
Мысль - цепной реакции искру!

Моя поэзия

Моя поэзия – не декларация,
Не конъюнктурный товар,
Не к славе апелляция
И не вдохновения дар, -

Поэзия моя – моя песня,

Аккомпанемент трудового дня,
Его свет вёсен, вода вещная,
Поэзия моя – жизнь моя.

Вдохновение и удел

Я от поэзии души не чаю.
Я без неё тоскую и скучаю,
Как только удаётся отойти от дел,
Меня зовёт с собой строк – строф иерархия
Туда, где пики идеалов светятся немаркие,
Чтоб вдохновенным возвратиться вновь в свой трудовой удел.

Вирази поэзии

Тенью сумраки бродят
По еловым аллеям,
По шоссейным проспектам
И полей площадям,
И столбы хороводят
По привычным затеям
Турпоходного лета
В окруженьи копн – дам.

Как на прежних привалах
У туристов усталых,
Кружат мысли и речи,
Соблюдая вязь схем, -
В то же время – иначе,
Как восторги удачи,
Как любовные встречи –
По иному совсем.

А в душе снова песня,
Тоже будто былая,
Та, что прежде пропета
Также будто почти,

В тот же миг – новью вечна.

Так родятся, пылая,
Кванты звёздного света,
Разлетаясь в ночи.

В поэзии метели

Не уйду, не уйду из метели,
Из порывов объятий её,
Пусть позёмки волнистые мели
Заметают скитанье моё.

Облачусь в пламя белой прохлады,
В пелене белых вьюг заверчусь,
А возьму с собой только лишь радость
Из всей массы былых моих чувств.

Буду мчать по бескрайним просторам
Нелинованных чистых страниц,
Вместе с вихрями рвя глотку хором,
Уносясь в стаю ветреных птиц.

И не буду, ругая простуду,
Расчерниловать белый покров, -
Сам я песней немислимой буду,
Самым лучшим из моих всех стихов.

В зимний вечер

Сиреневый заслон заката
Над кручей запада навис
День, доиграв игру до мата,
Завесу опускает вниз.

Зардели в окнах карнавалы.
Домой уходят рыбаки.
Сугробов сытые отары

Легли жвать жвачку у реки.

На изморозь собаки лают.

Небес чернильную бутылъ

Ночная фея наполняет

По горло синевои чернил,

Включает звёздную подсветку

Раздумий и мечты шатра,

Чтобы не спящему поэту

Всю ночь писалось до утра.

Строфа певца свободы и поэта

Он любил свою Родину,

Он любил свою Родину,

Он не обижал никого,

Он только любил Родину,

А они расстреляли его.

Он желал людям счастья,

Он желал людям счастья,

О геройстве он песни пел,

А его расстреляли власти,

Лишь за то, что он петь это смел.

Он мечтал о свободе,

Он мечтал о свободе

И о том, чтобы каждый был сыт.

Его песни живут в народе,

Его песни живут в народе,

А он сам за те песни убит...

Был он правды певец и света,

Он был правды певец и света

И за это был казнён без вины.

Осталась строфа не допета

Свободы певца и поэта...

Его расстреляли они...

Славы горы

Величественны славы горы,

Ярки их снежные уборы,

Вольны для взгляда там просторы,

Но неудобно в славе жить, -

Там нелюдимы склонов кручи,

Морозы на вершинах жгучи,

Завистливы ветра и тучи

Стремятся славу потушить...

Я видел славу – в ярком и гористом

Памире славы, я гулял туристом.

Игрок

(Поэма)

Москва – когда-то златоглавая,

Теперь – высотная Москва,

Взметнувшаяся к звёздам браво

На пик истории витка,

Познав стяжательства затор,

Бесправье, войны и террор,

С тебя, скажи, не начиналась

Какая повесть иль рассказ,

Какие юность, зрелость, старость

С тобою не сдружили нас!

Чем только ты не знаменита

Публичным и что шито-крыто!

Вернусь в твои десятилетия,
Которые давно прошли
Эпохи той младенцы – дети
Состарились и отошли.
Как сказы про былую Троию
Секреты древние открою.

Твои таинственные были
Давно мелькнувшие в окне
Людская память поручила
Поведать будущему – мне,
Чтобы отвлечь – одних от скуки,
А молодёжи – для науки.

Не сохранилась точность даты,
Не ведом день и месяц, год,
Когда глуша шум-гам и маты
О том заговорил народ,
Что в поиске изящной темы
Сюжетом стало сей поэмы.

Москву и дальние губернии,
Как эхо потрясла молва,
Распространяясь на деревни,
На ладожские острова
И ввергла в удивленья стоны
Все петербургские салоны.

Москва вещала: некий лекарь
На приданном разбогатев
И в карты всё спустив к потехе,
Обратно возвратить сумел,
В три дорога на удивление
Обратно выкупив имения.

Откуда взял он столько денег,
Всяк судя по себе гадал,
Ведь каждый – пережитый пленник,
Но истины никто не знал, -
Толь он алмазную стряс грушу,
Толь заложил рогатым душу.

В Москве и в сёлах все кичились,
Кто лекаря того знавал.
Одни в медфаке с ним учились,
Иной с ним партию сыграл,
А некая глашала звень,
Что он лечил её мигрень.

Лишь многие десятилетия
Спустя, он разгласил секрет.
Вообще-то не было секрета,
А дан лишь юношам совет
И для заблудших в назиданье
Далёкой древности преданье.

Лишь адреса велел сокрыть он,
О внуках – правнуках пекась,
Потомкам сказочных событий,
Волнующих поныне нас,
Наверно из-за опасенья
Раскрыть их «грех» происхождения.

Итак – в медфаке он учился,
Науками себя моря,
Отец в конторе чьей-то бился,
Чтоб сына выдать в лекаря,
Имея невысокий чин.
Отец был средний мещанин.

Тянулись долго и дотошно
Учёбы – скромницы года,
Анатомичка и зубрёжка,
Грог, пунш и пиво иногда
В студенческом друзей кругу
В пивной иль в поле, на лугу.

И вот – экзамены минули
И практики истомный срок.
Самостоятельный, как пуля,
Герой наш мчится в свой острог
Врачом уездным в должность штатскую,
В губернию, как будто, Вятскую.

Ах, захолустье, злая сила,
Отдушина для ленных душ!
О, скольких гениев сгубила
Провинции трясина – глушь.
Ложились дни, как эти строки,
В недели, месяцы работы

Без выходных, без развлечений,
Как вширь растущая сума,
И без беседы упражнений
Для сердца, мысли и ума,
Как пашка по сплошной стерне –
В больнице, дома, в богадельне...

Дежурства, вызовы ночные,
Нередко – недостаток сна
Бесстрастно поглощали силы
И радость жизни всю до дна.
С натугой, как желая стула,
Тридцатилетие минуло.

Чуть сон глаза заделал клейко,
Привычно зазвонил звонок, -
В гостиницу везёт линейка
Врача со всех кобыльих ног, -
От водки, вин и окорока
Приезжей даме стало плохо.

Помещице троих имений,
Комплексии – на четверых,
Он, применив своё умение,
Тревоги, успокоил тык,
Дал капель, порошков оставил,
От напасти почти избавил.

Уехал, сделав всё, как лучше,
Но утром вновь звенит звонок,
В приёмной ждёт той дамы кучер.
Не уж старания все впрок?
А во дворе, сияя аж,
Стоит дорожный экипаж.

Помещица врача встречала
В просторном номере своём,
В её имени приглашала
Стать частной практики врачом,
Мол, вёрст за сто порой путины,
Ей не добраться к медицине.

Чтоб пенсии врачебной трату
Врачу при этом возместить,
Двойную лекарю зарплату
Помещица велит платить,
При том, за деньги иль натуру
Лечить пускает клиентуру.

Обдумав тут же предложение,

Все «нет» и «за» приняв в расчёт
И не встречая возражения,
Врач в тот же день вдруг взял расчёт.
И что ж – семейным став врачом
О том не пожалел потом.

Лечил от тучности хозяйку,
Дочь занимал по вечерам,
Клал деньги. Не играл зазнайку, -
К больным ходил в деревни сам.
И ездил в дальние имения
Лечить и делать поручения.

Тут дочь помещицы влюбилась.
В кого? Конечно же в врача.
Хозяйка вовсе не смутилась,
Став тещей зятя не ища.
Ей милый лекарь был из тех,
Кто нравился, как человек.

И надо ж быть такой удаче,
Нежданнейшей из всех удач!
То ничего совсем, то – нате:
Врач – первый в волости богач,
Жена любимая внепланово

И три имения приданного.
Но вот беда – привыкший к делу
К обязанностям и к труду,
Бездельничал он неумело
Себе с супругой на беду,
Стал тосковать, стал ездить в гости,
Коль так, как вы, то, братцы, бросьте!

Где здорового труда азарты

Сменяет пустоделье, лень,
Там выпивка, табак и карты,
И скука, скука – каждый день,
Помещик новоиспечённый
Погряз в глухом болоте оном.

Он понемногу, понемногу
В картёжную ушёл игру.
Азартно не игравший сроду,
Воспламенялся на ходу,
Чтоб сразу возместить провал,
Всё выше ставки поднимал.

А по именьям захолустий
Профессионалы игроки
Для нашей, мой читатель, грусти
Его искали и нашли,
И проигрался врач с позором
Картёжным шулерам – жонглёрам.

Так от жены троих имений
(Пред этим тёща умерла),
Осталась для переселения
Под лесом хата лесника.
Не вытерпев жены рыдания,
Герой исчез без «до свидания».

Оставив ей немного денег,
Свои пожитки и её,
Коробку бляшек драгоценных
И обручальное кольцо.
Не появлялся он три года
Не навсегда, как ныне – мода,

Хотя, по правде, не сказал,

Когда вернётся и вернётся ль.
Его уже никто не ждал –
Отпанихидили и прочее.
Вдруг, как покойники во сне,
Вернулся лекарь наш к жене.

Сопровождал его нотариус,
Тянула тройка экипаж.
Сам – весь в сияньи, как Икарус.
Слуга... ну не слуга, а паж.
И разнеслась молва, как плач,
Что врач – миллионер – богач.

Он – верно ж, стал скупать имения,
Проигранные сгоряча,
Порой утраивая цены,
Причин к уценке не ища.
За тристатысячный загон
Давал он сразу миллион,

И скупщики не устояли.
Он все имения вернул,
Вновь жить с женой, как прежде стали,
Лишь сплетен продолжался гул,
Сплетающий и восхищение,
И домыслы в одно сплетение.

Съезжались аж из Петрограда
Без прочих поводов и дел.
Всего лишь знать им было надо,
Как наш герой разбогател.
Но в тайне он хранил секрет,
На просьбы отвечая: - «Нет!»

Менялись нормы социальные

И суммы социальных смет.
Раскрыть он соизволил тайну
Спустя лишь 30 с лишним лет
И то в совсем иной стране
Тому, кто был поведал мне.

* * *

Вот – город Вильнюс довоенный,
Тракайский тракт. Тогда на нём
Был со двором обыкновенный
Известный всем игорный дом.
Сыграть в его глухие навы
Съезжался люд аж из Варшавы.

А за углом была площадка,
Пока игорный дом играл,
Там скорой помощи коляска
И полицейский автокар
Весь вечер и всю ночь стояли,
В дом приглашений ожидали

К тем, кто в их помощи нуждались.
До ниточки всё проиграв,
То сей, то тот в углу стрелялись –
Банкир, делец иль бывший граф.
Чтоб засвидетельствовать факт
Был нужен полицейский акт.

Иной стрелял в себя, как в птицу,
Как в тетерева из шатра.
Таких, подстреленных в больницу
Возили врач и медсестра,
Для будущего излечения,
В мир проигрышей возвращения.

Тогда в игорном доме,
В счёт не включая карт,

Да и рулетки кроме,
Играли в бильярд,
В игру играть умения
На ставки разорения.

Вертелись виртуозы
В корзины класть мячи,
Свой куш сгребали босы
И до своей поры
Моргали издали, как нерпы,
Грядущих проигрышей жертвы.

Из зала ресторана
В сей зал игры живой
Вошёл спокойный странно
Мужчина пожилой,
Уныло за игрой следил,
Цепочку от часов крутил.

Когда освободился стол, – он
Сказал, соперника ища:
«Я ставлю злотых миллион
Напротив медного гроша.
Кто испытать желает шанс?»
Как будто охватил всех транс.

Рулетку бросив все сбежались
В зал странный, где молчал игрок.
Одни враньё подозревали,
Другие – шутку иль подвох.
Один из штатных игроков
Вдруг крикнул: «Что же – я готов!»

И подойдя к столу для спора
На поле бросил медный грош,
У крайне странного партнёра

Потребовав исполнить то ж.
Тот, ошарашивая всех,
На миллион заполнил чек.

Пошла игра. Ударом первым
Свояк пустил свой шар «на пост»
И вот, всех напрягая нервы
Взял кий таинственный наш гост,
Руки движением умелым
Натёр ударник кия мелом,

В непроницаемости mine
Нагнулся над столом - ... удар!
И в им намеченной корзине
Качался впрямь забитый шар.
Ещё удар – и вновь игра:
В корзинах сразу два шара.

Одной рукой удар наносит, -
Вразлёт ушедшие в игру
Через весь стол уходят косо
В корзины две вновь по шару.
Спиной к столу через плечо
Бьёт – в лунках два шара ещё.

Один в порыве одинарном
Наш гость до той поры играл,
Пока на поле бильярдном
Единственный остался шар.
Тогда кий кельнеру отдал
И грош – свой выигрыш забрал.

Пришельца гости окружили,
Иной смотрел в его лорнет,
Его расхваливая льстили,

Просили рассказать секрет
Игры сугубо виртуозной,
Даря улыбки дружбы ложной.

* * *

Да, ты, читатель, угадал
Сей странный гость был оный лекарь.
В Варшаве он практиковал, -
Больницей ведал и аптекой.
Он в дни октябрьских потрясений
Опять лишился всех имений.

А прежде – проиграв имения
Терпеть укор лишившись сил
На долгое уединение
Себя за это осудил,
Три года, приглушив азарт,
Играл с собою в бильярд.

За собственные сбережения,
Сняв комнатку в дьячка избе,
За пораженьем – пораженье
Три года наносил себе,
Овладевая так шарами,
Как ныне видели вы сами.

Потом сослал себя он в ссылку
На прииски руды в Сибирь,
Где всяк про золотую жилку
Мечтал, но редкий находил.
Он не удачи там искал, -
Игрой счастливцев забавлял, -

Скучающим от уймы денег

Партнёрство составлял в игре,
Даря удачи наслаждение
А выигрывал – втройне.
Обшаривал биллишарами
Их сейфы, кошельки, карманы.

Транжирующих доход бездумно
Старателей не обижал,
Капиталистов – толстосуммов
За алчность он не уважал,
Обыгрывал их без стеснения,
Но честно, - опытом умения.

За выигранные миллионы
Вернув именья тихо жил,
От темы неприятной оной
В беседах ловко уходил.
Он в карты не играл, как ранее,
А развлекался врачеванием.

Народного восстанья эхо
Когда «на день сменяла ночь»,
Герой наш со семьёй уехал
Из собственных имений прочь.
В Варшаве приобрёл он дом
И стал жить собственным трудом.

Он не касался больше кия.
Игру на деньги презирал,
Лишь тридцать лет спустя впервые
Опять лишь для потехи взял.
В итоге этой, нашей с вами
Совместно пережитой драмы.

К богатству был он безразличен,

Но не о том вообще сей сказ, -
Я сам знаком с ним не был лично,
Бескорыстно знакомя вас,
Предупреждая от похмелья
И зла зазнайства и безделья.

1983

Наталья и Дантес

(Поэма-версия автора)

Дантес – сынок приёмный,
Французский интриган,
Окинув взглядом томным
Блаженствующий зал,
Скользящим шагом Далай – ламы
Проплыл в холл, где толпились дамы.

Стояли группами мужчины
Лицом друг к другу – тэт-а-тэт,
Беседуя о чём-то чинно,
На вышках тужился оркестр.
По середине пышной залы
Танцующих кружились пары.

«Божур, месье Дантес! - с поклоном
Его задел лихой юнец.
Кто Вас чарует в стане оном,
Иль сам цель выбрал, бравый льстец?
Побудьте же с друзьями малость!»
Компания вся рассмеялась.

Дантес похлопал безобидно
По плечевине наглеца,
А группе вымолвил ехидно:
«За Вами слать хотел гонца, -
В игорном карта шла отменно

Вас обыграл бы непременно».

«Сто тысяч проиграл я в долг
В итоге некому барону.
Кто мне одолжит – вновь в засол
Верну я сразу сумму оную,
В игре картёжной отыграв.
Хотя бы Вы, мой милый граф»,

Но тот, к кому он обратился
Невольно шаг шагнул назад,
Сей неожиданнейшей милости
Дантеса вовсе не был рад.
В компании раздался смех, -
Мол сам берёт он в долг у всех.

Не нарушая добрых правил,
Дантес опять свой томный взор
С живым волнением направил
Туда, куда он прежде шёл.
Под импортной картиной там
Беседовала группа дам.

Потом спросил своих знакомых:
«А, что за прелесть в том углу
Вся в голубом, стройнее стройных?
Её, я чую, люблю».
Улыбки потушив оскал
Один компаньон сказал:

«Да это ж Пушкина Наталья,
В столице нашей и в Москве
Красавица, каких там мало.
Но знай, на что идёшь, месье:
Её счастливейший супруг

Ревнив и чуток, как барсук».

«Коль так, то хватит пустомеля! -

Вдруг отпарировал Дантес.

Мне трудности в амурном деле

Лишь обостряют интерес.

Представьте ей меня, прошу,

О всём, что станет, - отпишу».

«А муж – увидите вы сами,

Коль будет он настолько смел,

Как управляюсь я с мужьями.

Таков ж любовников удел, -

За дамы милостыни крохи

Мы дарим блага всей Европы»,

В углу к беседующим дамам

Подходят юноши вдвоём.

И вот – Дантес, герой сей драмы

С Натальей Пушкиной знаком,

Ей льстит и, уловив моменты,

Изящно сыплет комплименты.

Он с ней танцует, провожает

Её к окну и на балкон,

Шампанское ей предлагает,

Она же отвечает в тон,

За лесть – заботу благодарна,

Бескорыстно элементарно.

Простите, что не познакомил

Я с собеседниками вас.

В знакомстве с ним, с Дантесом, кроме

Ничем не грозен им наказ,

А в том, что сделали они,

И вовсе не было вины.

Откуда ни возьмись, - из залы,
На франта бросив едкий взор,
Однако не смутив нахала,
Курчавый малец подошёл.
Следя за франтом глаза краем,
Он даме молвил: «Уезжаем!»

Потом раскланялся с Дантесом,
Наталье локоть предложил,
С учтиво откровенной спесью
Повёл, ей дав понять мотив.

Как по команде стихли скрипки,
Супругов провели к дверям
Мужчин ехидные улыбки,
Многозначительные взгляды дам.
В карете тёмной ночи толщей
Супруги следовали молча.

А гордого героя были
Объяли без обиняков
Те, кто поэта не любили
За прямоту его стихов,
А некие, чинами славясь,
Самецкую являя зависть,

Пришельца вознесли героем,
Не отступать же дав совет,
За ним последовали роем,
Казалось, вдруг весь высший свет,
Шампанского позвав подачу,
Слал тосты за его удачу.

* * *

У дома скромного на Мойке
Стал экипаж, а из него
Сошёл поблекший от попойки
Герой вчерашнего кино.
У запертых ворот он встал
И громко тростью постучал.

Открыть никто не торопился.
Побарабанил он ещё.
Когда дворецкий появился, -
Гость выкрикнул через плечо,
Спесиво напрягая пресс:
«К Наталье Пушкиной – Дантес!»

Муж Пушкин днём бывал на службе.
Гость принят был его женой.
Дав заверенья в верной дружбе,
Уехал опытный герой,
Заняв собой Натальи мысли,
Как луч – простор осенней кисти.

Она рядила и гадала,
Оставшись вновь наедине,
Куда же лесь его пропала,
Иль лишь приснилось ей во сне,
Начавшееся всё так мило?
Она ль оплошность допустила?

Но не на долго он уехал.
Напрасен был Натальин страх.
Вновь посещением утешил
И не одним. А на балах
Ухаживал за ней, как «шэр», -
Изяцно славный кавалер.

Они беседовали мило.
О чём? Давно забылось всё.
Ей фрайера галантность льстила
И восхваление её.
Порой, что дамы любят страстно,
Мы игнорируем напрасно.

Не надо осуждать Наталью.
В суровой северной стране
Мужчины неких тайн не знали
Иль не открылись ей и мне,
Она же молода, прекрасна
Познать стремилась счастье страстно.

Дантес же, заводной повеса,
Своей победы не скрывал.
Хвалила публика Дантеса,
А Пушкиных во всякий бал
Клеймила двойственной улыбкой,
Как меткой этикетки липкой.

Травила, тешилась, колола,
То едкий вымолвит намёк,
То рассказав на темы пола
С подтекстом сальный анекдот.
Не знаю – было ль так иль нет,
Как будто был ещё портрет:

Над головой курчавой грушей
По сторонам большого лба
Ослиные торчали уши
И два барание рога.
Известно – по рукам ходил
Злой, неподписанный пасквиль.

Потом всё так сложилось скверно,
Что не могло сквернее быть.
Поэт жену любил безмерно, -
Вы б так изволили любить!
Безудержно он реагировал,
Но оскорблений не парировал.

За каплей капля яда капала.
Муж дулся и негодовал.
Наталья одиноко плакала.
Обидно было ей и жаль
Страдающего с ней супруга
И милого лишиться друга.

Наталья Пушкина не знала,
Что грозный назревал финал.
Она Дантеса упрекала,
Что он их связи не скрывал.
Дантес отшучивался смело,
Любя, - другим, мол, что за дело?

Познав восторгов незаконность,
Терял он тягу к ней, езде.
К нему Натальи благосклонность
Он демонстрировал везде,
Супруга, ревность возбуждала,
Развязки сроки приближая.

А сплетники всё их стравляли,
Не разбирая прав – не прав.
Иные свой расчёт справляли
За Пушкина свободный нрав.
И – грянул гром, помчалась сель, –
Дантес был вызван на дуэль.

Каналья струсил не на шутку.
Он драться вовсе не хотел, -
Откладывая не на минутку –
На месяцы он стал дуэль,
Ведь Пушкин предложил условия
Стрельбы на смерть, а не до крови.

* * *

Кто негодяй, тот негодяем
Окажется во всём, коль стал,-
За панцирем непробиваемым
В Архангельск конкурент послал,
Не выдержавших испытаний
Вернул и повторял задание.

И вот, надев доспехи
И застегнув сюртук
Дантес с утра приехал
На уговорный луг.
Как сверхсугубые педанты
Обмер вершили секунданты.
И, как на играх дети,
Отметили барьер,
Раздали пистолеты...
На боевой манер
«Сходитесь!» - вдруг раздался крик.
Встревожил поле снежный скрип.

Друзья из окружения
Молчали все, как гроб,
Убийству, преступлению
Никто не крикнул: «Стоп!»
Вдруг – выстрел, непонятно чей,
От сосен прочь прогнал грачей.

Поэт тут вздрогнул, пошатнулся
И опускаться стал на снег,
Дантес к нему бежать метнулся,
Дымящий бросив пистолет,
За ним и секунданты тоже.
«Назад!» - поэт им крикнул с дрожью,

На локте вновь приподнимаясь:
«Назад! Не кончена дуэль!»
Стал целиться, слегка качаясь.
Враг стал белей, чем снега бель.
Повеяло вновь хладом морга.
Он тяжело целился и долго.

Вновь – выстрел. Будто от удара
Спиной на снег летит Дантес.
Вспять опускается устало
Поэт, сказав – «Теперь – конец!»
Тряся военной формы банты,
Спешат к лежащим секунданты,

Обоим подают кареты,
Увозят под опекой свит.
Ещё вопрос был дан поэтом:
«Мой враг, скажите, он убит?»
Не ведом истинный ответ.
Кто ж мог сказать поэту: «Нет!»

А пуля, пущена поэтом,
Как будто крюк застёжки вскрыв,
Настигла руку рикошетом,
Её немного повредив,
Хотя позднее все баллистики
Рассказ сей относили к мистике.

Два дня беспомощный на койке,
Как бюст на гробовой плите,
В квартире собственной на Мойке
Лежал с жаканом в животе
Затравленный врагами ОН –
Поэтов мира эталон.

И вновь, как шашкой по затылку,
Те, рыло было чьё в пуху,
В последнюю сослали ссылку,
ЕГО заколов в гробу,
В потьмах, от публики тайком,
Но сказ сей не о них – о нём.

09. 06. 1983 года Вильнюс